

Фридрих
Хайек

РЫНОК И ДРУГИЕ ПОРЯДКИ

15

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Комитет гражданских инициатив

Фридрих Хайек. Собрание сочинений в 19 томах

Фридрих фон Хайек

Рынок и другие порядки

«Интермедиатор»

УДК 330.33
ББК 65.01

фон Хайек Ф. А.

Рынок и другие порядки / Ф. А. фон Хайек — «Интермедиатор»,
— (Фридрих Хайек. Собрание сочинений в 19 томах)

ISBN 978-5-91603-693-0

В дополнение к новаторскому вкладу в чистую экономическую теорию Ф. Хайек глубоко исследовал вопрос о том, как знание, рассеянное по умам множества отдельных участников рынка, может сложиться во всеобъемлющий порядок экономической активности. 15-й том Собрания сочинений, получивший название «Рынок и другие порядки», состоит из работ, написанных в течение всей научной жизни Ф. Хайека, в которых он предпринимал попытки разрешить «проблему знания». Собранные в настоящем томе более 20 текстов публичных выступлений, эссе, лекций, включая Нобелевскую лекцию 1974 г. «Претензии знания», опираются на широкий спектр подходов, в том числе философию науки, физиологию мозга, теорию права и политическую теорию. Читатели могут проследить развитие мыслей автора от разработки концепции стихийного порядка в экономической науке, через интеграцию этой идеи в политическую теорию и другие дисциплины, до кульминации в виде всеобъемлющей социальной теории, объясняющей стихийный порядок в самых разнообразных сложных системах, исследованных Ф. Хайеком на протяжении его исследовательской карьеры.

УДК 330.33
ББК 65.01

ISBN 978-5-91603-693-0

© фон Хайек Ф. А.

© Интермедиатор

Содержание

Предисловие редактора	7
Введение	8
Часть I. Ранние идеи	10
Часть II. От Чикаго до Фрайбурга: дальнейшая эволюция	17
Часть III. Общая теория порядков и примеры ее применения	26
Рынок и другие порядки	37
Пролог: виды рационализма[115]	37
Часть I	48
Глава 1	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Фридрих Хайек

Рынок и другие порядки.

Собрание сочинений в 19 т. Т. 15

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Комитет
гражданских
инициатив

Бизнес и Мысль

THE COLLECTED WORKS
OF **FA HAYEK**

Volume XV
**THE MARKET
AND OTHER ORDERS**

Edited by Bruce Caldwell

The University of Chicago Press

Книга издана при поддержке Фонда развития гражданских инициатив «Диалог» А. А. Столяров – Введ., гл. 5, 6, 9, 10, 13–15, Прил. А, Б; О. А. Дмитриева – гл. 1–4 (под ред. Р. И. Капелюшникова); Б. С. Пинскер – Пролог, гл. 7, 8, 11; Р. И. Капелюшников – гл. 12; В. В. Зотов – гл. 16

Электронное издание на основе печатного издания: Собрание сочинений в 19 т. Т. 15. Рынок и другие порядки / Ф. Хайек; пер. с англ. – Москва; Челябинск: Социум, 2020. – 604 с. – ISBN 978-5-906401-83-0; 978-5-906401-98-4. – Текст: непосредственный.

© Социум, перевод, 2020

© Комитет гражданских инициатив, 2020

© 2014 by The Estate of F. A. Hayek All rights reserved

Предисловие редактора

По хронологическому диапазону собранные в этом томе работы охватывают значительную часть научной карьеры Фридриха Хайека. Большинство из них взяты из трех ранее изданных сборников: «Individualism and Economic Order» (1948), «Studies in Philosophy, Politics and Economics» (1967) и «New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas» (1978). Я надеюсь, что принципы отбора станут понятны из моего Введения.

Поскольку работы Хайека выходили как в английских, так и в американских изданиях, естественно, встает вопрос, каких правил орфографии и пунктуации следует придерживаться. Мы предпочли «смешанную систему», которая ориентируется на принципы, принятые в «Studies» 1967 г. Опечатки, а также мелкие неточности в цитатах из других авторов исправлены по умолчанию. Более существенные ошибки снабжены примечаниями. Поскольку каждая глава имеет самостоятельный характер, обычная практика приводить при первом цитировании полное название источника, а в дальнейшем сокращенное, соблюдается лишь применительно к каждой отдельной главе.

Я признателен за помощь Джеку Блэйделу, Эрику Говарду, Хансйоргу Клаузингеру, Джереми Ширмуру и Михаэлю Вольгемуту, которые уточнили нечеткие ссылки. Микаэль Ассу, Клэр Колдуэл, Хансйорг Клаузингер, Джон Льюис и Джеймс Мерфи перевели цитаты с французского, немецкого, латинского и греческого. Анжела Земонек, Сэм Колдуэл и Мэтт Пэнхенс помогли мне подготовить окончательный вариант рукописи. Участники семинара NOPE <Helping Overcome Painful Experiences>¹ в университете Дьюка в январе 2012 г. снабдили меня замечаниями по Введению. Преподаватели Углубленного австрийского экономического семинара при Фонде экономического образования в августе 2009 г., участники конференции «Проявления стихийного порядка в политике и обществе» в Фонде изучения стихийных порядков в феврале 2009 г., а также Пол Льюис прислали замечания на более ранний вариант Введения. Приношу всем им благодарность.

Я занимался данным томом несколько лет, и за это время немало сотрудников издательства University of Chicago Press – Дэвид Первин, Джон Трайнески, Джо Джексон, Шеньин Ву, Ронда Смит, Келли Файнфрок-Крид и Карисса Варданыан – помогали мне при его подготовке к печати. Я благодарю их за отличную работу и поддержку.

За исключением раздела «Примат абстрактного» и приложенной к нему «Дискуссии», все ранее опубликованные тексты входили в состав сборников, выпущенных Издательством Чикагского университета. Я благодарен хранителям наследия Артура Кестлера за разрешение процитировать эти материалы.

Эту книгу я посвящаю памяти Джона Льюиса, который скончался от рака в декабре 2011 г.

Брюс Колдуэл

¹ Здесь и далее угловыми скобками отмечены вставки и примечания, добавленные в русском издании переводчиком и редактором издательства (в первом случае – «Прим. перев.» и «Перев.», во втором – «Прим. изд.» и «Изд.»). Квадратными скобками (по всей книге) отмечены, как и в оригинальном издании, примечания и вставки редактора английского издания.>

Введение

В XV томе издания «The Collected Works of F.A.Hayek» собраны работы, опубликованные за период, охватывающий большую часть долгой научной карьеры Фридриха Хайека; первая из них вышла в 1937 г., последняя в 1975 г. Они были написаны по разным поводам и причинам. Одни связаны с конкретными событиями – такими, например, как председательская речь в Лондонском экономическом клубе, инаугурационные речи в университетах Зальцбурга и Фрайбурга, участие в сборниках, изданных в честь друзей Хайека – Карла Поппера и Жака Рюэффа, – и его собственная Нобелевская речь. Другие являются чисто научными работами.

Тематика этих материалов весьма широка. Здесь и пользующиеся заслуженной известностью статьи о так называемой «проблеме знания», здесь и статьи по некоторым аспектами экономической теории, статьи о философии науки и социальной науке, о физиологии мозга, о методах экономистов, о происхождении различных социальных институтов, о теориях права, об интеллектуальной истории, об ответственности наставников и о многом другом. Поражает, с какой легкостью Хайек переходит от одного предмета к другому в рамках одной статьи: он ясно понимал взаимосвязь всех этих областей. Ниже я постараюсь показать, как в этой, на первый взгляд хаотичной, среде постепенно возникает и проявляется *порядок*, лежащий в основе идей Хайека и объединяющий их.

Материалы расположены преимущественно в хронологическом порядке их публикации, за одним явным исключением. Выбранная в качестве пролога статья «Виды рационализма» изначально была прочитана как лекция в японском университете Риккио 27 апреля 1964 г. Она в полной мере отражает общую позицию Хайека. Хотя главной темой этой работы является критика того, что Хайек называет «рационалистическим конструктивизмом», он обсуждает еще целый ряд вопросов: неправильное употребление таких слов, как «планирование» и «социальный» (особенно в словосочетании «социальная справедливость»), отказ Джона Мейнарда Кейнса от его «ранних взглядов» на моральные правила, отношение правил к порядкам, желательность сотрудничества специалистов по юриспруденции, экономической теории и социальной философии, а также многие другие. Эта работа особенно подходит для пролога именно потому, что демонстрирует главную мысль Хайека: многие из этих на первый взгляд не связанных друг с другом тем на самом деле принадлежат к единому целому. Хайек считает, что первый проблеск этого единства замечен в статье «Экономическая наука и знание», которая является главой 1 настоящего тома и основана на его инаугурационной речи 1936 г. в Лондонском экономическом клубе: «Это подводит меня к тому моменту моего личного развития, когда я начал размышлять о всякого рода вопросах, обычно считающихся философскими, хотя прежде был чистым и узко-направленным экономистом-теоретиком, который занимался только техническими аспектами теории. Похоже, что все началось лет тридцать тому назад, когда я написал эссе “Экономическая теория и знание”, в котором я анализировал то, что мне представлялось центральной трудностью чистой экономической теории. Главный вывод заключался в том, что экономическая теория должна объяснить, как возникает общая упорядоченность экономической деятельности, при которой используются обширные знания, существующие только как ограниченные знания тысяч или миллионов индивидов и не объединяемые каким-либо индивидуальным разумом. Но оттуда был еще немалый путь до адекватного понимания соотношения между абстрактными правилами, которым индивид подчиняет свои действия, и всеохватывающим абстрактным порядком, который возникает в результате того, что в частных ситуациях он подчиняется этим абстрактным правилам. Только в результате тщательного пересмотра древней концепции свободы в рамках закона, основной концепции традиционного либерализма, и возникающих при этом проблем философии права я пришел к

приемлемо ясному представлению о природе спонтанного порядка, о котором так давно уже говорят либеральные экономисты»².

Настоящий том назван «Рынок и другие порядки». Хотя входящие в него тексты содержат много специальных тем (чего и следовало ожидать, если учесть, что они написаны в разное время, для разных аудиторий и с разными целями), общая тема, как Хайек отмечает выше, такова: это обнаружение порядков во многих видах не связанных друг с другом явлений природного мира, явлений общественных отношений и институтов, составляющих часть этого мира, – порядков, возникающих в силу регулярности поведения их значимых составных частей. Такой подход тема придает целостность тому, который содержит много на вид совершенно разных тем. Выстраиваемая в итоге социальная теория впечатляет своей широтой и оригинальностью. Вместе с тем, как станет ясно, ее создание было трудной задачей, при решении которой встречаются повторы некоторых тем.

Первым делом я прослежу возникновение этих идей в работах Хайека по экономике, относящихся в 1930—1940-м годам. Затем речь пойдет о включении некоторых ключевых идей в его работы по политической теории и в других областях. Существует распространенное мнение, что, когда Хайек обратился к политической теории, он перестал заниматься экономической. Я покажу, что это не так: он продолжал применять эти идеи в работе «Грамматика экономического исчисления» (которая, правда, не была опубликована)³. Наконец, я покажу, что наивысшим уровнем трактовки сложных адаптивных систем, или стихийных порядков, и самыми продуманными рекомендациями по их изучению отличаются работы Хайека, вошедшие в заключительную часть данного тома.

² Хайек Ф. Виды рационализма, настоящий том, с. 70–71.

³ В идейном плане ближе всего к этой работе четыре лекции, прочитанные Хайеком в университете Вирджинии в 1961 г. и объединенные под названием «Новый взгляд на экономическую теорию».

Часть I. Ранние идеи

Осенью 1931 г. Хайек приехал в Англию в качестве приглашенного профессора Лондонской школы экономики, а на следующий год получил место Туковского профессора экономической науки и статистики. В первые годы пребывания в ЛШЭ он принял участие в целом ряде дебатов: с Джоном Мейнардом Кейнсом о теории денег и экономических циклах, с американским экономистом Фрэнком Найтом и другими о теории капитала, а также с социалистами разных направлений о перспективах социализированной экономики⁴. В тот же период происходило активное обсуждение важности ожиданий, в котором приняли участие Хайек, Оскар Моргенштерн, ряд экономистов из Швеции и других стран; они рассуждали о том, какое значение следует приписывать термину «совершенное предвидение». В 1936 г. Хайек был избран председателем Лондонского экономического клуба и приглашен выступить с речью 10 ноября того же года. Хайек назвал свое выступление «Экономическая наука и знание» и объединил в ней темы, которыми занимался в предшествующие годы. Через три месяца текст был опубликован в журнале «Economica»⁵.

Как впоследствии вспоминал Хайек, при подготовке текста выступления он ощущал «определенное волнение»: «Я тогда действительно начинал видеть вещи в новом свете. Если меня спросят, что я имею в виду, я, пожалуй, скажу, что вплоть до того времени мыслил, в общем, достаточно традиционно. А вот в моей лекции в Лондонском экономическом клубе “Экономическая теория и знание” я нащупал свой собственный стиль мышления... Я ощутил какое-то внезапное просветление, внезапное осознание того, что я пишу эту лекцию, испытывая определенное волнение. Я осознал, что, в общем-то, хорошо известные вещи я излагаю в новой форме, и, наверное, это был самый волнующий момент моей карьеры, когда я увидел напечатанный текст»⁶.

Лекция «Экономическая теория и знание», как явствует из ее названия, посвящена роли допущений о знании в экономической теории. Стандартная теория того времени, которую Хайек называл «статической теорией равновесия», исходила из того, что все действующие лица имеют доступ к одному и тому же объективно корректному знанию. В начале 1930-х годов некоторые экономисты начали ставить эту посылку под сомнение – прежде всего потому, что она не позволяла адекватно ответить на вопрос об ожиданиях: «Распространяется ли доступ к полной информации также и на будущее?» Как показал Оскар Моргенштерн, посылка порождала причудливый результат⁷. Скажем, если допустить совершенное предвидение, то нужно допустить, что не только некое действующее лицо знает будущие действия всех прочих действующих лиц, но и эти последние знают ближайшие и последующие действия данного лица. Встает вопрос: как такой мир вообще может выходить из равновесия?

⁴ Они впервые опубликованы в приложении к настоящему тому. Подробности можно найти в томах 6—12 издания: F. A. Hayek, *The Collected Works of F. A. Hayek* (Chicago: University of Chicago Press; London: Routledge), а также в соответствующих редакторских введениях.

⁵ F. A. Hayek, “Economics and Knowledge”, *Economica*, n.s., vol. 4, February 1937, pp. 33–54, перепечатка в издании: F. A. Hayek, *Individualism and Economic Order* (Chicago: University of Chicago Press, 1948), pp. 33–56 <Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011. С. 41–68>. Журнальный вариант содержал подстрочные примечания, удаленные в издании 1948 г.; кроме того, в версию 1948 г. внесены незначительные стилистические изменения. Версия 1948 г. взята за основу для настоящего издания, но удаленные примечания восстановлены и приводятся в квадратных скобках.

⁶ F. A. Hayek, “Nobel Prize-Winning Economist”, ed. Armen Alchian (запись интервью, данного в 1978 г. при содействии программы Oral History Program, University Library, University of California – Los Angeles, 1983 [transcript no. 300/224, Department of Special Collections, Charles E. Young Research Library, UCLA]), pp. 425–426.

⁷ Oskar Morgenstern, “Vollkommene Voraussicht und wirtschaftliches Gleichgewicht”, *Zeitschrift für Nationalökonomie*, vol. 4, 1934, pp. 337 ff. Английский перевод: “Perfect Foresight and Economic Equilibrium”, in *Selected Economic Writings of Oskar Morgenstern*, ed. Andrew Schotter (New York: New York University Press, 1976), pp. 169–183.

Анализируя проблему, Хайек начинает с разграничения равновесия для индивидуума и равновесия для общества, а также различает субъективное восприятие действующего лица и «объективное» знание ситуации, которым обладает внешний наблюдатель. Равновесие индивида не составляет проблемы: в любой данный момент он находится в состоянии равновесия по отношению к собственному субъективному восприятию – даже если это последнее не соответствует объективной реальности. (Следует отметить, что восприятие индивидуального агента может меняться по мере приобретения нового знания, но *в любой данный момент* он находится в состоянии равновесия относительно знания, наличного в момент принятия решения.) Но для того, чтобы в состоянии равновесия находилось *общество*, требуется гораздо больше, а именно: планы многих индивидуальных агентов должны быть скоординированы. А чтобы это произошло, субъективные восприятия должны соответствовать объективной реальности. Если нас интересует равновесие социума, тогда «вопрос, почему данные в субъективном смысле слова вообще должны приходить в соответствие с объективными данными, – это одна из основных проблем, требующих от нас ответа»⁸.

Равновесие общества Хайек определяет в терминах совместимости планов как ситуацию, при наличии которой предвидение «в особом смысле» является правильным. В мире, где все агенты имеют доступ к полной корректной информации, это происходит автоматически. Но в реальном мире, указывает Хайек, знание поделено или рассеяно (разные агенты имеют доступ к разным единицам знания), а также субъективно (т. е. может быть неверным). В таком мире постоянно происходит учет новой информации и приспособление к ней.

Можно продолжать говорить о равновесии, даже если допустить, что агенты обладают субъективно располагаемым знанием. Тогда движение к равновесию будет подразумевать трансформацию субъективных данных в объективные. В процессе устранения ошибок можно прийти к итоговому состоянию равновесия, при котором достигается взаимная совместимость ожиданий.

Но если к постоянной изменчивости мира добавить рассеянность знания, само представление о движении к итоговому статичному равновесию становится натянутой метафорой. В таком мире рассеянность знания не является неким ситуативным состоянием, которое раз и навсегда устраняется движением к финальной точке покоя. Это перманентная ситуация. Если все агенты действуют на основании разных единиц знания и обитают в мире, где данные постоянно меняются, то реальный вопрос сводится к тому, как фрагменты данных, присутствующие во многих разных умах, вообще могут быть скоординированы. В данной ситуации «центральный вопрос» таков: «...как может соединение фрагментов знания, существующего в разных головах, приводить к результатам, которые при сознательном стремлении к ним потребовали бы от управляющего разума таких знаний, которыми не может обладать никакой отдельный человек?»⁹

В этой основополагающей работе Хайек не дает ответа на вопрос. Но сам вопрос о том, как возможна социальная координация в мире рассеянного знания, в мире ошибок и постоянных изменений, станет центральной проблемой всех его последующих трудов¹⁰.

⁸ См. настоящий том, с. 87.

⁹ Там же. С. 104.

¹⁰ Исследовательская литература, посвященная этой лекции и ее значению для интеллектуальной эволюции Хайека, постоянно растет. Желаящие получить дополнительную информацию, могут найти ее в книге: Bruce Caldwell, *Hayek's Challenge: An Intellectual History of F. A. Hayek* (Chicago: University of Chicago Press, 2004); см. главу 10 и приведенные в ней цитаты.

* * *

Незадолго до войны Хайек начал масштабный двухтомный проект под рабочим названием «Злоупотребления разумом и его упадок». Он задумал показать, как родственные доктрины социализма и сциентизма (последний представлял собой применение методов естественных наук в тех областях, для которых они не подходили, т. е. в общественных науках) совместно развивались и еще теснее переплетались по мере распространения из Франции на Германию, Англию и США. Осенью 1940 г. Хайек приступил к теоретическому исследованию сциентизма, которое должно было стать первой главой книги. Однако глава выросла в гораздо более обширную работу «Сциентизм и изучение общества», которая выходила тремя частями с 1942 г. по 1944 г. в журнале «Economica»¹¹. В промежутке между публикацией первой и второй частей Хайек написал работу «Факты общественных наук» (глава 2 настоящего тома). Первые два раздела «Фактов» представляют собой краткое изложение содержания более обширной части.

Хайек сообщает, что выступил с «Фактами» 10 ноября 1942 г. в Клубе моральных наук Кембриджского университета; эту дискуссионную группу возглавляли два выдающихся философа, двоюродный брат Хайека Людвиг Витгенштейн и Дж. Э. Мур¹². Принимая во внимание состав аудитории, следует считать небезынтересным следующее обстоятельство: Хайек начал с упоминания о том, что пришел в науку как исследователь общества, «полностью уверенный в универсальной пригодности методов естественных наук»¹³. Он, несомненно, хотел заверить философов, что высоко оценивает возможности методов естественных наук, когда они применяются в сфере этих последних. Ошибка, по мнению Хайека, совершается лишь тогда, когда данные методы используют в общественных науках.

Главная идея Хайека состоит в том, что факты общественных наук отличаются от фактов естественных наук, и поэтому для их понимания необходим другой метод. Объекты человеческой деятельности – в качестве примеров он упомянул такие, как «инструменты, продукты питания, лекарства, оружие, слова, предложения, средства общения или акты производства»¹⁴, – определяются не их объективными свойствами, а человеческими интерпретациями. Подобным же образом, когда мы интерпретируем действия другого человека, будь то в повседневной жизни или с позиции обществоведа, мы оперируем понятием мнений или намерений, которые мы приписываем действующему лицу, и делаем это посредством аналогии с нашим собственным сознанием. Это особенно очевидно, когда мы пытаемся осмыслить культуру, сильно отличающуюся от нашей собственной. Особенно примечательно, что в процессе осмысления чужих действий мы используем не конкретные, а абстрактные понятия:

«Когда мы говорим, что у человека есть пища или деньги или что он произносит слово, мы подразумеваем, что он знает, что первую можно есть, второе можно использовать для покупки чего-либо и что третье можно понять...

¹¹ F. A. Hayek, "Scientism and the Study of Society", *Economica*, n.s., vol. 9, August 1942, pp. 267–291; *ibid.*, vol. 10, February 1943, pp. 34–63; *ibid.*, vol. 11, February 1944, pp. 27–39; перепечатано в: *The Counter-Revolution of Science: Studies on the Abuse of Reason* (Glencoe, IL: Free Press, 1952; reprinted, Indianapolis, IN: Liberty Fund, 1979 <Хайек Ф. Контрреволюция науки: Этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ, 2003. Гл. 1 – 10>). Последнее издание: F. A. Hayek, *Studies on the Abuse and Decline of Reason*, ed. Bruce Caldwell, vol. 13 (2010) of *The Collected Works of F. A. Hayek*, chapters 1 – 10. Проект «Злоупотребления разумом» так и остался незавершенным; более подробная информация о его истории содержится во введении редактора в последнем издании.

¹² Осенью 1940 г., когда уже шла битва за Англию, Лондонская школа экономики была эвакуирована в Питерхаус, Кембридж, где оставалась в годы войны. В своих воспоминаниях Хайек называет несколько случаев, когда он встречался с двоюродным братом, но нигде не говорит, что Витгенштейн присутствовал на его докладе в клубе.

¹³ См. настоящий том, с. 108.

¹⁴ Там же. С. 110.

Мое знание об окружающих повседневных вещах, о конкретных способах выражения мыслей и эмоций принесет мне мало пользы при интерпретировании поведения жителей Тьерра-дель-Фуэго. Но мое понимание того, что я имею в виду под средствами достижения цели, под пищей или оружием, словом или знаком и даже, вероятно, обменом или подарком, все еще будет полезно и даже существенно для моих попыток понять, что они делают»¹⁵.

Кратко говоря, классификации, в которых фигурируют абстрактные категории, и интерпретации, в которых используются эти категории или модели, играют ключевую роль в нашем осмыслении человеческой деятельности. К этим идеям Хайек вернется в книге по психологии, «Сенсорный порядок» (1952), а также в более поздних работах, помещенных в данном томе¹⁶.

Хайек предвидел возражения со стороны тех, кто считал, что все наше знание мы должны извлекать из наблюдения и опыта. В последнем разделе «Фактов» он приводит контраргументы и критикует то, что в февральском выпуске «Сциентизма» в 1943 г. назовет коллективизмом, историцизмом и объективизмом научного подхода.

В «Фактах» Хайек ближе всего подходит к методологической позиции Людвиг фон Мизеса. Это заметно в его описании отношений между теорией и историей, в его утверждении, что теории социальных наук не поддаются проверке, и, пожалуй, особенно в том обстоятельстве, что он одобрительно использует термин «априори»; правда, тут же следует добавить, что использует он его для обозначения свойства ментальной классификационной системы сознания, т. е. совершенно иным образом, чем Мизес¹⁷.

В «Фактах» Хайек постоянно подчеркивает методологические различия между естественными и общественными науками. Об этих различиях он будет говорить впоследствии в связи с изучением простых и сложных явлений.

* * *

Когда война уже близилась к концу, Хайек вернулся к проблеме, поставленной в работе «Экономическая теория и знание»; эту проблему он описал теперь как «использование знания, которое никому не дано во всей его полноте»¹⁸. В работе «Использование знания в обществе» Хайек показывает, как формируемые рынком свободно приспосабливающиеся цены могут содействовать решению проблемы координации человеческих действий в мире дисперсного субъективного знания.

Хайек формулирует проблему следующим образом. Если нужно создать эффективную экономическую систему в мире рассеянного знания, то какая модель лучше – централизованная или децентрализованная? Ответ зависит от того, какая модель лучше использует знание, а это, в свою очередь, зависит от того, какого рода знание наиболее важно в экономической системе. Слыша слово «знание», многие тут же думают о научном знании или о какой-либо иной форме специализированной экспертизы. Но в экономической системе гораздо более

¹⁵ Там же. С. 113, 117.

¹⁶ F. A. Hayek, *The Sensory Order: An Inquiry into the Foundations of Theoretical Psychology* (Chicago: University of Chicago Press, 1952); <новое издание: F. A. Hayek, *The Sensory Order and Other Essays*, ed. Viktor J. Vanberg, *The Collected Works of F. A. Hayek* (Chicago: University of Chicago Press; London: Routledge), vol. 14 (2017)>. «Интерпретативный поворот» Хайека в этой и в других работах сам по себе инициировал различные интерпретации его идей в исследовательской литературе; одни авторы видят в нем свидетельство того, что Хайек поддерживал герменевтику, а другие – инфильтрацию постмодернизма. См., например: G. B. Madison, “Hayek and the Interpretive Turn”, *Critical Review*, vol. 3, Spring 1989, pp. 169–185; Theodore Burczak, “The Postmodern Moments of F. A. Hayek’s Economics”, *Economics and Philosophy*, vol. 10, April 1994, pp. 31–58. Критика этих мнений: Caldwell, *Hayek’s Challenge*, appendix D.

¹⁷ Более подробное сравнение методологических позиций Мизеса и Хайека см. в: Caldwell, *Hayek’s Challenge*, pp. 220–223; Caldwell, “A Skirmish in the Popper Wars: Hutchison versus Caldwell on Hayek, Popper, Mises, and Methodology”, *Journal of Economic Methodology*, vol. 16, September 2009, pp. 315–324.

¹⁸ См. настоящий том, с. 129.

важным видом знания является то, которым обладают рядовые участники рыночной системы; Хайек называет его «знанием конкретных обстоятельств времени и места»¹⁹. Это знание особенно важно в мире постоянных изменений, поскольку знание о переменах, происходящих в конкретных условиях, принципиально необходимо для принятия правильных решений в рыночной обстановке.

Но здесь есть одна сложность. Человек с локализованным знанием имеет очень ограниченный кругозор. Он плохо представляет, что происходит в масштабах всей системы. В связи с этим на первый план выходит реальная проблема: как может отдельно взятый человек использовать не только свое личное знание, но и то локализованное знание, которое присутствует в головах всех остальных участников системы? Центральной инстанции будет, по самой меньшей мере, трудно собирать все такое знание, особенно если оно постоянно меняется. Так можем ли мы найти способ использовать его?

И вот тут на помощь приходит система цен. «Человек с улицы» не может обладать общим знанием; у него есть только локализованное знание. Но при системе свободного рынка происходящее в масштабах всей системы отражается в ценах, которые индивидuum ежедневно наблюдает на рынке. Хайек иллюстрирует свой тезис «примером спроса на олово» и показывает, что миллионы участников рынка действуют «в правильном направлении», когда меняется цена товара или ресурса, хотя могут ничего не знать о причине ее изменения²⁰. Хотя в этом примере Хайек не использует термин «стихийный порядок», ясно, что речь идет именно о нем.

«Использование знания в обществе» – самая известная статья Хайека; экономисты, занимающиеся экономической теорией информации, регулярно ссылаются на нее и считают ее основополагающей²¹. Благодаря ясности изложения она вполне доступна пониманию студентов. В анналах истории экономической мысли пример с оловом, показывающий, как рынки используют рассеянную информацию, следует по справедливости поставить в один ряд с «булавочной фабрикой», на примере которой Адам Смит показал, как разделение труда позволяет увеличивать производство.

Хайек делает ряд методологических выводов. В начале статьи, главным образом в соответствии с идеями, изложенными в работе «Факты социальных наук», он отмечает, что сам характер фундаментальной проблемы «был больше затуманен, нежели прояснен, многими из последних усовершенствований экономической системы», усовершенствований, которые он связывает с «ошибочным переносом на общественные явления тех привычных способов мышления, которые мы выработали, имея дело с явлениями природы»²². Ниже он показывает, как использование теории статического равновесия, которая абстрагируется от изменений, «делало нас в известной мере слепыми в отношении истинной функции механизма цен и привело

¹⁹ Там же. С. 131.

²⁰ Пример с оловом Хайек впервые использовал в статье «Экономическая теория планирования»; она была опубликована в 1941 г. в оксфордском научном сборнике. См.: F. A. Hayek, "The Economics of Planning", in *Socialism and War: Essays, Documents, Reviews*, ed. Bruce Caldwell, *The Collected Works of F. A. Hayek*, vol. 10 (1997), pp. 141–147.

²¹ См., например: Sanford Grossman, *The Informational Role of Prices* (Boston: MIT Press, 1989), pp. 1, 32, 108, 134; Leonid Hurwicz, "Economic Planning and the Knowledge Problem: A Comment", *Cato Journal*, vol. 4, Fall 1984, p. 419; Joseph Stiglitz, "The Contribution of the Economics of Information to Twentieth Century Economics", *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 115, November 2000, pp. 1446–1448, 1468–1469. Однако эти авторы считают, что Хайек говорит об информационных свойствах равновесных цен; между тем, как мы увидим в работе «Смысл конкуренции», в действительности его интересует информационная функция *неравновесных* цен. В связи с предложенной Хайеком концепцией знания появилась обширная исследовательская литература; особенно это относится к авторам, симпатизирующим австрийской школе. Два самых показательных примера: Esteban Thomsen, *Prices and Knowledge: A Market-Process Perspective* (London: Routledge, 1992); Israel Kirzner, "Entrepreneurial Discovery and the Competitive Market Process: An Austrian Approach", *Journal of Economic Literature*, vol. 35, March 1997, pp. 60–85.

²² См. настоящий том, с. 129.

к применению довольно обманчивых критериев при оценке его эффективности»²³. Эту тему Хайек продолжит в работе «Смысл конкуренции».

* * *

В июле 1941 г. Хайек написал письмо своему старинному университетскому другу Фрицу Махлупу, который тогда жил в Вашингтоне и работал в Министерстве торговли. Хайек прочитал статью Махлупа о конкуренции и изложил свое впечатление: «Мне было особенно приятно увидеть, что твои выводы так хорошо согласуются с моими методологическими взглядами и во многих отношениях близки к моему представлению о конкуренции, которое я намеревался когда-нибудь изложить. Ты имеешь в виду примерно то же самое, на чем всегда настаиваю и я, а именно: конкуренция – это процесс, а не состояние, и если бы она вообще могла стать “совершенной”, то в тот же самый момент исчезла бы»²⁴. Неудивительно поэтому, что в статье «Смысл конкуренции» Хайек в первом же примечании цитирует статью Махлупа и хвалит его за возвращение трактовки значения конкуренции «обратно на землю»²⁵.

После войны ключевым в плане политики был вопрос регулирования производства. Экономисты обычно утверждают, что конкуренция делает рынок эффективным, поскольку заставляет производителей выпускать нужные потребителям товары с минимальными затратами. Фирмы, которые производят товары, не соответствующие желаниям потребителей, или с себестоимостью выше, чем у конкурентов, не выживают на рынке. Теоретическая модель, с помощью которой экономисты обычно описывают этот постулат здравого смысла, – теория совершенной конкуренции. Эта модель (или, точнее, неверное ее использование в дискуссиях о правильной политике в отношении бизнеса) и есть объект критических доводов Хайека в данной работе:

«По-видимому, широко распространено мнение, что так называемая теория “совершенной конкуренции” дает подходящую модель для оценки эффективности конкуренции в реальной жизни и что в той мере, в какой реальная конкуренция отклоняется от этой модели, она является нежелательной и даже вредной.

Мне подобная установка представляется малооправданной»²⁶.

Для Хайека «конкуренция по своей природе есть динамический процесс, неотъемлемые особенности которого отбрасываются допущениями, лежащими в основе статического анализа»²⁷. Появляющиеся в реальном мире предложения «исправить» несовершенную конкуренцию – с помощью, скажем, введения «упорядоченной конкуренции», принудительной стандартизации продуктов или, в самом крайнем случае, национализации недостаточно конкурентоспособных отраслей – обнаруживают всю опасность слишком серьезного отношения к теоретическим моделям.

Как ни удивительно, отмечает Хайек, но в экономической теории совершенной конкуренции совершенно отсутствует наше обыденное представление о последствиях конкуренции. В ней нет соперничества, нет борьбы, нет попыток ослабить конкурента или разнообразить продукт; иными словами, «“совершенная” конкуренция и в самом деле означает отсутствие

²³ Там же. С. 138.

²⁴ F. A. Hayek to Fritz Machlup, July 31, 1941, Machlup Collection, box 43, folder 15, Hoover Institution Archives, Stanford University, Calif. (далее Hoover Institution Archives). Похожую позицию занимал Шумпетер; см.: Joseph Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy* (New York: Harper and Brothers, 1942; 3rd ed., New York: Harper and Row, 1950), chapter 7 <Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. Глава 7>.

²⁵ См. настоящий том, с. 144.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 146.

всякой конкурентной деятельности»²⁸. Общий методологический изъян очевиден: теория статического равновесия, сосредоточенная на получении долгосрочных результатов после проведения всех корректировок, не учитывает того, что силы конкуренции на самом деле действуют в периоды *неравновесности*. Чем менее совершенен рынок, тем важнее конкуренция. Попытки воспроизвести искусственный мир совершенной конкуренции – это катастрофическая политика, поскольку в стремлении к совершенству они способны подавить реальную конкуренцию, существующую в реальном мире.

* * *

Четыре обсужденные выше работы Хайек перепечатал в своем сборнике «Индивидуализм и экономический порядок» (1948). Как уже говорилось, работа «Факты общественных наук» относится к его проекту «Злоупотребления разумом», но три прочие тесно связаны между собой. В статье «Экономическая наука и знание» Хайек утверждает, что для ответа на вопрос о том, как движение к равновесию социума может вообще возникать в мире дискретного знания и постоянных перемен, мы должны иметь правильное представление о том, *каким* *видом* знания будут обладать индивидуумы, а также о *процессе*, в ходе которого индивидуумы будут приобретать это знание. «Использование знания в обществе» – ответ на первый вопрос: важнее всего не научное знание, а знание, обусловленное временем и местом. «Смысл конкуренции» – ответ на второй вопрос: рыночный процесс, т. е. процесс рыночной конкуренции, и есть то самое, посредством чего индивидуумы приобретают это специфическое знание и передают его другим.

В сборник «Индивидуализм и экономический порядок» вошли и другие статьи, включая три, посвященные дискуссии об экономическом расчете при социализме²⁹. Уже на этом раннем этапе Хайек, размышляя о корректности методов общественных наук, предупреждал, что в силу ограниченности ее возможностей экономическая теория способна давать неверные политические рекомендации. В последующие годы горизонты его видения только расширялись.

²⁸ Там же. С. 149.

²⁹ Hayek, *Individualism and Economic Order*. Работы о социализме приведены в сборнике: F. A. Hayek, *Socialism and War*, in *The Collected Works of F. A. Hayek*, vol. 10 (1997).

Часть II. От Чикаго до Фрайбурга: дальнейшая эволюция

Получив свои «пятнадцать минут славы» после публикации книги «Дорога к рабству» (1944)³⁰, Хайек начиная с лета 1945 г. почти до конца десятилетия работал над книгой по теоретической психологии, которая была опубликована в 1952 г. под названием «Сенсорный порядок». В 1950 г. Хайек покинул Лондонскую школу экономики и перешел в Комитет по социальной мысли при Чикагском университете, где проработал 12 лет. Эти годы стали важнейшим этапом в формировании его мировоззрения.

С октября 1950 г. Хайек проводил ежегодный осенний семинар на избранную им тему. Первые два, «Равенство и справедливость» и «Либеральная традиция», были посвящены вопросам политической теории, философии и истории. Эти и последующие семинары снабдили Хайека подготовительным материалом для следующей значительной книги. В ноябре 1953 г. он сообщил Фрицу Махлупу, что намерен назвать ее «Больше, чем человек. Созидательные силы свободной цивилизации»³¹. На следующий год Хайек совершил вместе с женой семимесячную поездку по Италии и Греции, повторив путешествие, которое столетием раньше предпринял Джон Стюарт Милль³². Во время этой поездки Хайек также посетил Египет, чтобы прочитать четыре лекции в Национальном банке Каира; в 1955 г. они были опубликованы под названием «Политический идеал верховенства закона». В своих воспоминаниях Хайек рассказывал, в какой мере каирские лекции помогли ему упорядочить его идеи в единое целое, ставшее потом «Конституцией свободы»: «Вскоре после возвращения из нашего путешествия у меня на основе моих каирских лекций сложился четкий план книги о свободе. За три следующих года я написал первый вариант трех частей “Конституции свободы”, зимой 1958–1959 гг. отредактировал всю книгу и смог сдать законченную рукопись моим американским издателям к моему 60-му дню рождения, 8 мая 1959 г.»³³

Каирские лекции Хайек начинает с классических толкований принципа «равенства перед законом», прослеживает историю британского либерализма и эволюцию концепции верховенства закона от первых упоминаний в XVII в. до оформления в XVIII в. Затем он переходит к вкладу американцев, включивших Билль о правах в писаную конституцию, анализирует немецкую концепцию *Rechtsstaat*, попытку поставить административный аппарат национального государства под власть закона. Наконец, Хайек переходит к выделению первостепенных свойств верховенства закона (в частности, верховенства закона как метапринципа; он выделяет его всеобщность, четкость и равенство в применении³⁴) и завершает лекции описанием упадка

³⁰ F. A. Hayek, *The Road to Serfdom: Texts and Documents*, ed. Bruce Caldwell, *The Collected Works of F. A. Hayek*, vol. 2 (2007) <Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2006>. Пожалуй, правильнее сказать, что международную известность Хайеку принесла публикация сокращенного варианта в «Reader's Digest» (1945); подробнее об этом – во введении редактора к вышеуказанному изданию. Кроме того, в то время Хайек занимался организацией первого заседания Общества Мон-Пелерен и готовил книгу о переписке Джона Стюарта Милля и Гарриет Тейлор.

³¹ F. A. Hayek to Fritz Machlup, November 19, 1953, Machlup Collection, box 44, folder 1, Hoover Institution Archives. В конце концов книга стала называться «Конституция свободы», но Хайек сохранил подзаголовок в качестве названия 2-й главы.

³² Дневник поездки хранится в собрании: Hayek Collection, box 125, folder 2, Hoover Institution Archives.

³³ F. A. Hayek, *Hayek on Hayek: An Autobiographical Dialogue*, ed. Stephen Kresge and Leif Wenar (Chicago: University of Chicago Press, and London: Routledge, 1994), p. 130. F. A. Hayek, *The Constitution of Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1960); новое издание: *The Constitution of Liberty*, ed. Ronald Hamowy, *The Collected Works of F. A. Hayek*, vol. 16 (2011) <Хайек Ф. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018>. Как следует из «Памятной записки о рабочих планах», датированной ноябрем 1955 г., Хайек первоначально задумал две книги и вторая должна была называться «Больше, чем человек. Созидательные силы свободной цивилизации». Однако потом он объединил все намеченные темы в «Конституцию свободы». «Памятная записка» хранится в архиве: Hayek Collection, box 93, folder 11, Hoover Institution Archives.

³⁴ Уверенность Хайека в том, что верховенство закона способно препятствовать принуждению со стороны государства, была подвергнута критике. См., например: Ronald Hamowy, “The Hayekian Model of Government in an Open Society”, in *The Political Sociology of Freedom: Adam Ferguson and F. A. Hayek* (Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2005), p. 235: «Уже давно стало понятно, что никакие чисто формальные свойства того типа, какие выделяет Хайек, – т. е. что законы должны быть всеоб-

этого принципа в конце XIX в. и в начале XX в. Ключевые главы «Конституции свободы» (11–16) строятся на идеях, впервые изложенных в каирских лекциях.

Однако нас здесь в первую очередь интересует то, что Хайек говорит в своих лекциях об отношениях между правилами (в данном случае – законами) и порядками, которые создает соблюдение правил. В начале третьей лекции он отмечает тенденцию видеть сознательный замысел в каждом упорядочном паттерне, тенденцию, способную вводить в заблуждение: «В уме человеческом прочно укоренилась склонность считать всякий встречаемый им упорядоченный паттерн плодом замысла подобного же ума и полагать, что не может быть порядка без такого сознательного замысла. Но если множество отдельных элементов подчиняется определенным общим законам, это, конечно, может привести к появлению того или иного порядка без вмешательства внешней силы. К законам, которым повинуются люди, это относится не в меньшей степени, чем к законам природы; и сколь бы сильно ни отличались друг от друга два значения понятия “закон”, общее свойство нашей проблемы станет яснее, если мы в данном случае обратим внимание на самый общий аспект их связи»³⁵. В природном мире могут возникать порядки, поведение или движения элементов которых мы не способны точно предсказывать. В силу рассеянности знания «точно такой же проблемой является создание порядка в обществе»³⁶.

Итак, «Политический идеал верховенства закона» – это один из первых случаев, когда Хайек выходит за пределы сферы рыночных явлений и высказывает общую мысль: подчинение правилам со стороны индивидуальных элементов может приводить к возникновению порядков. Это также первый случай, когда Хайек использует словосочетание (но еще не термин!) «стихийный порядок»³⁷. Перечисленные выше идеи вошли в 10-ю главу «Конституции свободы», весьма удачно названную «Законы, команды и порядок».

* * *

В том же году, что и каирские лекции, Хайек опубликовал в журнале «British Journal for the Philosophy of Science» статью «Уровни объяснения». Главная ее тема, как и в «Сциентизме», – научный метод. Но вместо перечисления различий между естественными и социальными науками, которое Хайек провел в более ранней работе, он говорит здесь о свойствах, присущих *всем* наукам. Например, все теоретические науки занимаются созданием гипотетико-дедуктивных систем. Такие системы невозможно верифицировать, но поскольку они исключают определенные события, их можно фальсифицировать. Объяснение и предсказание – это два аспекта одной и той же научной процедуры. И так далее.

И только после установления общих свойств всех наук Хайек переходит к тому, чем разные науки отличаются друг от друга: это доступный посредством их методов *уровень* объяснения (отсюда и название работы). Науки, изучающие сложные явления, способны определять только диапазон, или паттерн, предсказываемых величин, но не способны предсказывать конкретные события. Иначе говоря, они предлагают только объяснение принципа, согласно кото-

щими, предсказуемыми и четкими, – не могут эффективно препятствовать государственному вмешательству... Только при помощи недвусмысленных ограничений, не чисто формальных, а наделенных реальным содержанием и определяющих, какие именно законы могут приниматься, будет возможно контролировать сферы, в которые способна вмешиваться законодательная власть. Но даже и при этом условии необходима бдительная и недоверчивая судебная власть, призванная контролировать законодательную. Запретные для законодательной власти сферы могут быть выделены только на основе теории прав, которая логически предшествует теории правления. Это очевидное обстоятельство Хайек по какой-то причине обошел вниманием». Более ранняя версия критики изложена в статье: Ronald Hamowy, “Hayek’s Concept of Freedom”, *New Individualist Review*, vol. 1, April 1961, pp. 28–31.

³⁵ См. настоящий том, с. 212.

³⁶ Там же. С. 214.

³⁷ Там же.

рому развивается процесс, и поэтому могут предсказывать лишь те или иные типы результатов. Однако, поскольку такие теории исключают определенные типы результатов, они отчасти проверяемы и, следовательно, научны. Но точное предсказание, которое часто считается критерием научности, в таких случаях невозможно.

В «Сциентизме» Хайек провел разграничительную линию между естественными и общественными науками. В «Уровнях объяснения» эта линия проведена между науками, изучающими сравнительно простые явления, и науками, изучающими сравнительно сложные явления. Каково же значение этого переноса акцента (если оно вообще есть)?

Главная причина изменения подхода (и важного изменения) состоит в том, что различие, которое первоначально наметил Хайек, не соответствовало господствовавшему в то время убеждению философии науки: она исходила из того, что научный метод един. Друг Хайека Карл Поппер отстаивал тезис о единстве науки в «Нищете историцизма» и тем самым подспудно критиковал проведенное Хайеком разграничение методов естественных и общественных наук³⁸. Когда в 1952 г. вышла «Контрреволюция науки», философ Эрнест Нагель в своей рецензии уже открыто подверг критике позицию Хайека³⁹. Критические замечания Хайек, несомненно, получал и на своем чикагском семинаре 1952 г., посвященном научным методам⁴⁰. Хайек не хотел отступать от утверждения, что такие науки, как экономическая наука, во многих случаях способны предложить лишь предсказание паттерна или объяснение принципа; однако проведенное им разграничение между естественными и общественными науками было не самым верным путем для обоснования этого тезиса.

Выход из положения Хайеку подсказал математик Уоррен Уивер. Он был рецензентом публикации Хайека в «British Journal» и прислал ему обширный отзыв с критическими замечаниями. К отзыву Уивер приложил свою статью 1948 г. «Наука и сложность»⁴¹. В этой статье он показывает, что примерно до 1900 г. естественные науки занимались по преимуществу простыми явлениями, выделяли и математически выражали лишь несколько переменных. Затем эти науки перешли к изучению явлений «неупорядоченной сложности», где миллионы переменных взаимодействуют случайным образом; к таким явлениям вполне применимы теория вероятностей и статистические методы. Следующая стадия, начавшаяся как раз во время появления статьи Уивера, имеет дело с явлениями «упорядоченной сложности». В таких явлениях тоже взаимодействуют миллионы переменных, но они уже не независимы, а взаимосвязаны, и обычные статистические методы здесь не годятся. Согласно Уиверу, такие явления существуют во многих областях, и для их изучения потребуются новые методы. Схема Уивера подсказала Хайеку, каким образом можно акцентировать пределы возможностей общественных наук, не умаляя степени научности этих наук. С тех пор всякий раз, как Хайек обращался к теме сложных явлений, он практически всегда ссылаясь на статью Уивера и столь же неизменно пользовался антитезой «простое – сложное», когда описывал методологические различия между науками.

В «Уровнях объяснения» часто упоминается Карл Поппер, и поэтому Хайека легко поймать на слове, когда в начале статьи (прим. 3) он говорит: «Во многих отношениях мои дальнейшие рассуждения представляют собой не более чем развитие некоторых идей Поппера»⁴².

³⁸ Karl Popper, "The Poverty of Historicism, III", *Economica*, n.s., vol. 12, May 1945, pp. 78–82; *The Poverty of Historicism*, 2nd ed. (London: Routledge, 1960), pp. 130–131 <Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993>.

³⁹ Ernest Nagel, "Review of F. A. Hayek, *The Counter-Revolution of Science*", *Journal of Philosophy*, vol. 49, August 1952, pp. 560–565.

⁴⁰ Подробнее об этом семинаре см.: Caldwell, *Hayek's Challenge*, pp. 298–299.

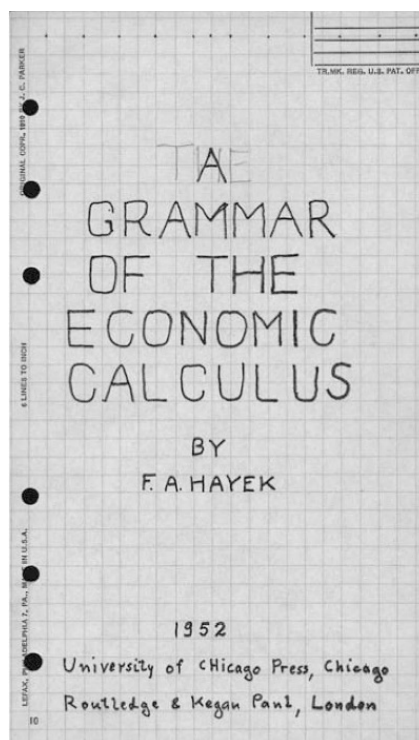
⁴¹ Warren Weaver, "Science and Complexity", *American Scientist*, vol. 36, October 1948, pp. 536–544. Следует отметить, что первая ссылка в работе Хайека сделана именно на статью Уивера. Отзыв Уивера хранится в архиве: Hayek Collection, box 137, folder 10, Hoover Institution Archives.

⁴² См. настоящий том, с. 259.

Впрочем, Поппер действительно сделал полезное дело для Хайека, когда внес следующее уточнение: то, что Хайек справедливо (на взгляд Поппера) критиковал в «Сциентизме», – это на самом деле не методы естественных наук, а их некорректные псевдофилософские интерпретации⁴³.

Но вместе с тем очевидно, что, как только признается существование «уровней объяснения», становится гораздо труднее использовать критерий фальсифицируемости для оценки теорий, и из этого вытекают неизбежные последствия: «Поскольку подобные теории сложно опровергнуть, исключение соперничающих теорий более низкого уровня будет медленным делом, прямо зависящим от убедительности доводов и полемического мастерства тех, кто использует эти теории. Не существует никаких доказательных экспериментов, которые помогли бы сделать выбор. Поэтому возникнут возможности для основательных заблуждений, повысится вероятность появления надуманных, перегруженных деталями теорий, опровергнуть которые может лишь здравый смысл квалифицированных специалистов, но никак не простой тест»⁴⁴. Кроме того, такое положение дел не будет меняться по мере прогресса науки; если исходить из противоположного допущения, тогда «ход мыслей данной статьи будет понят совершенно неправильно»⁴⁵.

И последнее: в этой работе образцовым примером науки, изучающей сложные явления, выступает эволюционная теория. Она будет играть у Хайека все более важную роль при объяснении того, как возникают стихийные порядки.

⁴³ В «Нищете историцизма» (1960) Поппер переопределил термин «сциентизм» у Хайека «как подражание *тому, что ошибочно принимается* за метод и язык науки» (р. 105, курсив в оригинале <рус. изд., с. 121>). О согласии Хайека с этим уточнением свидетельствует, например, его «Предисловие к итальянскому изданию “Контрреволюции науки”» (ms., Hayek Collection, box 129, folder 12, Hoover Institution Archives), где сказано: «Своей критикой индуктивизма» сэр Карл Поппер убедил меня в том, что естественные науки на самом деле не применяют метод, который, как в большинстве своем убеждены представители этих наук, они якобы используют». Похожее высказывание содержится в предисловии к сборнику: *Studies in Philosophy, Politics and Economics* (Chicago: University of Chicago Press, 1967), p. viii.

⁴⁴ См. настоящий том, с. 277.

⁴⁵ Там же. С. 278.

Рис. I.1. Обложка, нарисованная Хайеком. Friedrich A. von Hayek Papers, box 129, folder 5, Hoover Institution Archives

Принято считать, что в 1950—1960-х годах Хайек отошел от занятий экономической теорией и обратился к политической философии. Однако это распространенное мнение, как и многие расхожие мнения, неверно. На рис. I.1 воспроизводится сделанная от руки обложка работы «Грамматика экономического исчисления»; дата свидетельствует, что еще в 1952 г. Хайек задумал писать книгу по экономической теории. Существуют также заметки о «темах и проблемах», которые он намеревался затронуть; в их числе экономическая теория и инженерия, измерение, выбор, эквивалентность, альтернативные затраты, а также «сопутствующие ошибки», в числе которых понятия объективной ценности, оптимума, энергетики и справедливой цены⁴⁶. В свою «Памятную записку о рабочих планах» 1955 г. Хайек включил эту книгу как возможный проект: «Я надеюсь не забросить совершенно мою работу по техническим аспектам экономической теории. Я давно думал, что следующей книгой в этой области будут “Основы экономического исчисления” – нечто вроде подробного введения в базовую логику экономической теории, предназначенного прежде всего для ученых и людей с научным складом ума. Но, хотя я собрал немало материалов на эту тему, их пока еще очень трудно превратить в книгу»⁴⁷.

Через четыре года Хайек дал работе другое название – «Новый взгляд на экономическую теорию» и отметил, что книга будет гораздо проще: «Всего лишь краткий очерк экономического исчисления с приложением описания того, как работает денежная экономика»⁴⁸. Однако еще через год он вновь изменил свой замысел и сообщил Карлу Попперу о намерении заново сформулировать свои взгляды на природу экономической теории с использованием «концепции регулярностей высокого уровня»; такой подход, полагал он, будет «плодотворен и выйдет далеко за рамки собственно экономической теории». «Думаю, – продолжал Хайек, – именно к этому стремился Берталанфи со своей общей теорией систем, и сама концепция, конечно, уже присутствует в моих “Уровнях объяснения”. Она продолжает проясняться, но пока я еще не могу вполне удовлетворительно сформулировать мою цель»⁴⁹.

В следующем году, весной 1961 г., Хайек прочитал в Вирджинском университете четыре лекции на указанную тему⁵⁰. Они стали очередной попыткой внедрить его новые идеи о сложных порядках в экономические исследования, в которых, собственно, эти идеи первоначально и зародились.

Хайек начинает с того, что многие экономические явления на самом деле представляют собой организованные порядки, которые, однако, не создаются преднамеренно. Во второй части первой лекции и во второй лекции Хайек разъясняет то, что он называет «экономическим исчислением», т. е. инструментарий, с помощью которого экономисты описывают «паттерны (закономерности, порядки), которые мы находим в экономических явлениях»⁵¹. Этот инструментарий Хайек иллюстрирует схемами; одни из них знакомы по университетским учеб-

⁴⁶ Hayek Collection, box 129, folders 5 and 6, Hoover Institution Archives.

⁴⁷ “Memorandum on Plans for Work, November 1955”, Hayek Collection, box 93, folder 11, Hoover Institution Archives.

⁴⁸ “Memorandum on Plans for Work, November 1959”, Hayek Collection, box 93, folder 11, Hoover Institution Archives.

⁴⁹ Hayek to Popper, February 27, 1960, Hayek Collection, box 44, folder 2, Hoover Institution Archives. Основатель общей теории систем австрийский биолог Людвиг Берталанфи (1901–1972) был другом Хайека и сделал замечания к работе «Сенсорный порядок» на этапе рукописи.

⁵⁰ Лекционный курс Хайека был организован при финансовой поддержке Центра исследований политической экономики им. Томаса Джефферсона. За месяц до первой лекции Хайек участвовал в конференции «Научные альтернативы коммунизму» в университете Нотр-Дам. Он выступил с докладом «Экономический порядок и свобода», в котором изложил свои идеи о сложных явлениях в контексте сравнения централизованной плановой экономики с рыночной. Тема сложных явлений вновь поднимается в Вирджинских лекциях, а также в работе «Теория сложных явлений». Доклад на конференции в университете Нотр-Дам никогда не публиковался; текст находится в собрании: Hayek Collection, box 108, folder 1, Hoover Institution Archives.

⁵¹ См. настоящий том, с. 509.

никам, другие являются изобретением самого Хайека – прежде всего те, которые он использует для объяснения логики выбора. Таким образом, к экономическому исчислению относятся те части экономической теории, которые аналитически изображают определенную структуру, а именно «взаимосвязь между решениями о распределении ресурсов в условиях, когда все значимые факты известны отдельно взятому уму»⁵². Продуктивность этого метода Хайек показывает в третьей лекции, где обсуждает варианты технологического выбора, стоящего перед развивающимися странами. В последней лекции Хайек описывает не абстрактное экономическое исчисление, а его применение к «миру действия», «где разные люди не только обладают разным знанием, но посредством своих действий постоянно приобретают новое знание»⁵³ и где проявляется коммуникативная роль рынка.

Лекции помогают понять, что имел в виду Хайек, когда говорил, что многие экономические явления представляют собой незапланированные сложные адаптивные порядки, и когда подчеркивал, что экономическое исчисление продуктивно для решения определенных задач, но менее полезно при анализе формирования таких порядков. Однако он не стал публиковать лекции. Почему?

Как явствует из текста лекций, Хайек понимал: ему, вероятно, удалось заново сформулировать ряд более ранних идей, но он не довел свою концепцию до того уровня, на который рассчитывал, когда писал Попперу. Это подтверждает Джеймс Бьюкенен, который встречался с Хайеком в Вирджинском университете и впоследствии так вспоминал о впечатлении от лекций: «Эти лекции были неудачными – во всяком случае, по собственным стандартам профессора Хайека. Те, кто их слушал, были, конечно вознаграждены тщательным обзором его ранних идей относительно знания применительно к экономическому взаимодействию. Но Хайек не смог выйти за рамки того, что разработал еще 20 лет назад; описывая свои прежние размышления, он не предложил ничего нового на их основе. Заявленные честолюбивые замыслы были расстроены»⁵⁴.

Вместо публикации лекций Хайек частично включил их в более поздние работы. Поскольку эти четыре лекции представляют значительный исторический интерес и помогают лучше представить идейную эволюцию Хайека, они приводятся в приложении к настоящему тому.

* * *

В 1962 г. Хайек принял предложение занять профессорскую должность во Фрайбургском университете, которая давала право на пожизненную пенсию (хотя и скромную). С практической точки зрения это было важно, поскольку от Чикагского университета Хайек пенсию не получал; за все проведенные там годы ему было выплачено единовременное вознаграждение. 18 июня 1962 г. он прочитал инаугурационную лекцию «Экономика, наука и политика». В ней присутствуют размышления о правильной практике преподавания и о месте экономиста в политической жизни. Кроме того, Хайек затронул методологический вопрос о том, что может быть известно экономистам; эта тема связана с его формировавшейся концепцией сложных явлений.

В области экономической науки Хайек всегда был теоретиком. Переезд во Фрайбург стал отходом от проторенных путей, поскольку Хайек должен был читать там лекции по экономи-

⁵² Там же. С. 545.

⁵³ Там же.

⁵⁴ James Buchanan, "I Did Not Call Him 'Fritz': Personal Recollections of Professor F. A. v. Hayek", *Constitutional Political Economy*, vol. 3, 1992, p. 131.

ческой политике. Задача становится более сложной, когда переходишь из сферы чистой теории к оценке политики. О политике невозможно говорить, не вынося оценочных суждений.

Соответственно, Хайек начинает с вопроса о роли оценочных суждений в науке. Он разделяет стандартный взгляд австрийской школы, заимствованный у немецкого социолога и экономиста Макса Вебера, согласно которому положительные утверждения следует отделять от нормативных⁵⁵. При оценке политики следует начинать с вопросов, имеющих объективное содержание; главная их цель – выяснение ожидаемых последствий тех или иных политических решений. Хайек подчеркивает фундаментальную презумпцию экономической теории: политику следует оценивать не по намерениям, а по реальным результатам⁵⁶.

Конечно, когда имеешь дело с таким сложным объектом, как экономика, предсказать результаты трудно. У нас может быть абстрактная теоретическая модель, математически выражающая структуру экономических явлений, но редко когда получается подставить данные вместо переменных. Как отмечал Хайек в «Уровнях объяснения», часто мы в лучшем случае способны определить общий характер порядка или предсказать его общее устройство. Хайек критикует паретианскую теорию общего равновесия и «математическую теорию цены», а также макроэкономическую теорию Кейнса⁵⁷. Вместо того чтобы питать обманчивую надежду на точное предсказание, для которого нужно больше знания, чем мы когда-либо можем иметь, нам следует удовлетвориться общим знанием, во многих случаях тоже очень полезным. Эту мысль Хайек иллюстрирует следующим педагогическим наставлением:

«Даже когда теория подсказывает, что вмешательство в хозяйственную жизнь может иметь благоприятные последствия, экономист должен предостерегать от такого вмешательства, и не потому, что он многое знает, а потому, что знает, как много информации необходимо, чтобы гарантировать благоприятные результаты вмешательства. <...>

Отнюдь не случайно в нашей области знаний термин “принципы” часто входит в название трактатов общего характера. А в отношении экономической политики в особенности принципы и есть весь тот вклад, которым мы вынуждены ограничиться»⁵⁸.

* * *

В 1963 г. Хайек приехал в Чикагский университет, чтобы прочесть курс лекций при финансовой поддержке Фонда Чарльза Р. Уолгринга⁵⁹. Две лекции посвящены соответственно состоянию экономической науки в Вене 1920-х годов и в Лондоне 1930-х годов; они опубликованы в данном собрании сочинений⁶⁰.

⁵⁵ Позиция Вебера по вопросу свободы от оценочных суждений сложилась, когда он критиковал коллег из немецкой исторической школы за то, что они используют оценочные суждения в своих лекциях. Подробнее см.: Caldwell, *Hayek's Challenge*, ch. 4.

⁵⁶ Возможно, самым удачным образом эту мысль выразил Генри Саймонс, который в своем плане курса лекций по экономике заметил: «И для ученого, и для политика экономическая теория прежде всего полезна как профилактика распространенных заблуждений». См.: Henry Calvert Simons, *The Simons' Syllabus*, ed. Gordon Tullock (Fairfax, VA: Center for the Study of Public Choice, George Mason University, 1983), p. 3.

⁵⁷ См. настоящий том, с. 294.

⁵⁸ Там же. С. 298.

⁵⁹ Его пригласил Джордж Стиглер, бывший тогда уолгриновским профессором и распорядителем финансов, предоставляемых фондом. Подробнее о деятельности Стиглера в Чикагском университете см.: Edward Nik-Khah, “George Stigler, the Graduate School of Business, and the Pillars of the Chicago School”, in *Building Chicago Economics: New Perspectives on the History of America's Most Powerful Economics Program*, ed. Robert Van Horn, Philip Mirowski, and Thomas A. Stapleford (Cambridge: Cambridge University Press, 2011), pp. 116–147.

⁶⁰ F. A. Hayek, “The Economics of the 1920's as Seen from Vienna”, *The Fortunes of Liberalism: Essays on Austrian Economics and the Ideal of Freedom*, ed. Peter Klein, vol. 4 (1992) of *The Collected Works of F. A. Hayek*, pp. 19–38 <Хайек Ф. Состояние экономической теории в 1920-е годы: взгляд из Вены // Хайек Ф. Судьбы либерализма в XX веке. М: ИРИСЭН, 2009>; Hayek, “The Economics of the 1930's as Seen from London”, *Contra Keynes and Cambridge: Essays, Correspondence*, ed. Bruce Caldwell, vol.

Третья, «типы теоретического мышления», видимо, является ранней версией текста, который был затем переработан и опубликован под названием «Два типа сознания»⁶¹. Еще одна лекция, «Экономисты и философы», посвящена тому обстоятельству, что в британской традиции со времен Шотландского Просвещения вплоть до начала XX в. экономисты также занимались проблемами, которые в широком смысле можно назвать философскими. Приводя в пример эту традицию, Хайек сожалеет о сциентистском отходе от философии, который наметился в XX в. Вторая часть лекции посвящена вопросу об изучении сложных порядков и воспроизводит мысли, изложенные в других работах, включенных в данный том. Лекция «Экономисты и философы» публикуется впервые, в приложении к настоящему тому⁶².

* * *

Последним текстом второй части данного тома является статья «Правила, восприятие и умпостижимость», опубликованная в 1962 г. в издании «*Proceedings of the British Academy*». В этой блестящей работе Хайек сводит воедино идеи из целого ряда областей, таких как лингвистика, этология, гештальтпсихология, физиология, биология, эстетика, методология социальных наук и философия сознания.

Хайек начинает с того, что все животные, включая человека, следуют правилам, которых не сознают. Он приводит два примера: маленькие дети учатся говорить в соответствии с правилами грамматики, которые им не известны, но сами по себе очень сложны; мы способны определять эмоциональное состояние по выражению лица людей самой разной внешности⁶³. Оба эти умения объясняются нашей способностью распознавать абстрактные паттерны и следовать абстрактным правилам. Опираясь на психологическую теорию, разработанную в «Сенсорном порядке», Хайек считает физиологической основой этой способности деятельность иерархической структуры мозга. Он исходит из наличия многочисленных цепочек правил как перцептивного, так и моторного характера; совокупность этих правил и есть то, что в конечном счете ведет к возникновению предрасположенности к действию: «Именно совокупность таких активированных правил (или условий, налагаемых на дальнейшие действия) образует то, что называют “установкой” <set> (предрасположенностью <disposition>) организма в любой данный момент, и значимость вновь полученных сигналов определяется тем, как они модифицируют этот сложный набор правил»⁶⁴.

В конце статьи Хайек ставит вопрос о том, сможем ли мы когда-нибудь установить все правила, руководящие нашим восприятием и нашими действиями. По его мнению, ответ должен быть отрицательным: ведь сознательное мышление само руководствуется правилами, которые принципиально недоступны сознанию. Этим обстоятельством, полагает Хайек, подкрепляется утверждение, высказанное им в «Сциентизме» и в «Сенсорном порядке» (соответственно двадцатью и десятью годами ранее), что любая система классификации должна обладать более высоким уровнем сложности, чем классифицируемый ею объект. Отсюда, по его мнению, следует, что мозг принципиально не способен создать нечто большее, чем объяснение принципа, по которому действует мозг⁶⁵. Сознание – еще один пример сложного порядка; этот порядок

9 (1995) of *The Collected Works of F. A. Hayek*, pp. 49–63.

⁶¹ F. A. Hayek, “Two Types of Mind” [1975], reprinted in *The Trend of Economic Thinking: Essays on Political Economists and Economic History*, ed. W. W. Bartley III and Stephen Kresge, vol. 3 (1991) of *The Collected Works of F. A. Hayek*, pp. 49–55.

⁶² F. A. Hayek, “Economists and Philosophers”, Hayek Collection, box 138, folder 12, Hoover Institution Archives; Hayek, “Types of Theoretical Thinking”, Hayek Collection, box 138, folder 15, Hoover Institution Archives.

⁶³ Пример «распознавания по лицу» приводится также в «Сциентизме», р. 110 <рус. изд., с. 68>, и в «Фактах общественных наук», настоящий том, с. 116.

⁶⁴ См. настоящий том, с. 325.

⁶⁵ Там же. С. 329. Изложенная в статье выше концепция «настроев» на действие помогает преодолеть разрыв между ней-

следует правилам, которые мы не можем выявить, но именно они позволяют нам ориентироваться в другом сложном порядке, обществе. А этот последний включает в себя многочисленные определенные правилами порядки: язык, экономическую систему, правовую систему, систему моральных норм и т. д. Сложные порядки присутствуют везде. В следующем году Хайек написал статью «Виды рационализма», которая отвела дальнейшей проработке этих идей видное и постоянное место в его рабочей повестке.

ронными связями мозга и итоговым результатом преднамеренного действия. Эту проблему Хайек безуспешно пытался решить в незаконченной работе «В пределах систем и о системах», которая будет впервые опубликована в издании «Сенсорного порядка» в составе настоящего собрания сочинений.

Часть III. Общая теория порядков и примеры ее применения

Работа «Теория сложных явлений» была завершена в декабре 1961 г. (т. е. в том же году, когда Хайек читал Вирджинские лекции), но опубликована лишь в 1964 г., в сборнике, изданном в честь Карла Поппера. Здесь Хайек решает, по крайней мере частично, задачу, намеченную им в письме к Попперу 1960 г.: более полно изложить темы, впервые намеченные в «Уровнях объяснения».

Хайек ставит себе задачу провести ясное различие между науками, изучающими простые явления, и науками, изучающими сложные явления. Сложность возрастает как из-за увеличения «минимального количества установленных элементов, которыми формула или модель должна обладать, чтобы воспроизводить характеристики паттернов структур», так и по причине «возникновения “новых” паттернов в результате увеличения количества элементов, между которыми существуют простые связи»⁶⁶. В подобных случаях можно располагать лишь данными, достаточными для предсказания паттернов. Поскольку все элементы взаимосвязаны, статистическая методика, намеренно отвлекающаяся «от того факта, что соотносительная позиция разных элементов в структуре может иметь значение», не в силах «способствовать объяснению сложности паттернов»⁶⁷.

В конце статьи Хайек делает два важных заявления. Он указывает, что, поскольку система ценностей и моральных норм общества тоже является продуктом эволюционного процесса, «у нас не больше оснований приписывать вечное существование этим ценностям, чем самому роду человеческому»⁶⁸. Правда, он тут же добавляет, что как разум не может объяснить сознание, так и нет никакого способа выйти за пределы нашего культурного наследия, нет способа узнать, как возникали с ходом времени ценности, которыми мы руководствуемся. Поэтому, заключает он, мы должны питать определенное почтение к ценностям, которые существуют в течение тысячелетий. Применимость эволюционной теории сложных явлений для объяснения происхождения моральных кодексов человечества (этой теме специально посвящена более поздняя работа) к этому времени, несомненно, вошла в исследовательскую повестку Хайека⁶⁹.

Второе соображение касается того, как мы должны реагировать на недостаточность нашего знания при изучении сложных явлений. По мысли Хайека, знание пределов нашего знания само по себе является важным типом знания: «Стоит нам недвусмысленно признать, что понимание общего механизма, создающего паттерны того или иного рода, – это не просто инструмент для конкретных предсказаний, но нечто важное само по себе, способное служить незаменимым руководством к действию (а в некоторых случаях указанием на нежелательность действия), – стоит нам признать это, и мы, возможно, обнаружим, что это ограниченное знание является наиболее ценным»⁷⁰.

⁶⁶ «Теория сложных явлений», настоящий том, с. 341–342. Здесь Хайек впервые недвусмысленно идентифицирует возникающие явления как причину сложности.

⁶⁷ Там же. С. 346.

⁶⁸ Там же. С. 357.

⁶⁹ См., например: F. A. Hayek, *Law, Legislation and Liberty*, vol. 3, *The Political Order of a Free People* (Chicago: University of Chicago Press, 1979), epilogue; Hayek, *The Fatal Conceit*, ed. W. W. Bartley III, vol. 1 (1988) of *The Collected Works of F. A. Hayek*.

⁷⁰ «Теория сложных явлений», настоящий том, с. 360.

* * *

Вероятно, самой амбициозной попыткой обсудить возникновение стихийных порядков в различных областях мог бы стать «Симпозиум по проблеме аналогии», который Хайек провел на вилле Сербеллони в Белладжио, Италия, 17–24 апреля 1966 г. В первоначальной программе он описывает цель этой научной встречи следующим образом: «Симпозиум посвящен несознаваемым правилам, руководящим сознательными действиями. Обсуждение предполагается начать с рассмотрения той роли, которую правила, неизвестные действующему субъекту, играют в физических умениях, языке, праве и морали, изобразительных искусствах. Главная цель – пролить свет на:

- передачу несформулированных правил средствами культуры (т. е. на их усвоение без сознательного обучения);
- необходимость совместного знания несформулированных правил для уяснения коммуникативных отношений;
- общую проблему предсознательного обучения на опыте (формирование и изменение несознаваемой системы координат, в рамках которой действует осознанное мышление)»⁷⁰.

К сожалению, многие из приглашенных не смогли приехать. Тем не менее на следующий год Хайек опубликовал статью «Заметки об эволюции систем правил поведения», снабженную подзаголовком «Взаимодействие между правилами индивидуального поведения и социальным порядком действий». Она представляет собой самую смелую попытку Хайека описать на максимально возможном уровне обобщения отношение между правилами и порядками и процесс их эволюции.

В самом начале Хайек указывает, что будет «использовать как взаимозаменяемые такие пары понятий, как “порядок и его элементы” и “группы и индивиды”», подчеркивая тем самым, что порядки присутствуют везде, т. е. не только в человеческих обществах^{71 72}. Затем он прослеживает связи между сложными, стихийно формирующимися, порядками, эволюцией и поведением, которое руководствуется правилами⁷³.

1. В природе существуют разные виды порядков. Порядок возникает, когда действия различных элементов или членов группы скоординированы или взаимно сообразованы.

2. Иногда порядки возникают без всякого сознательного замысла. Такие стихийные порядки образуются в результате того, что элементы подчиняются правилам, хотя эти правила не нацелены на создание итогового порядка.

3. Мы можем выделить некоторые свойства правил, способных создавать стихийные порядки:

а. Правила во многих случаях просты и часто принимают форму запретов.

б. Индивидуумам, даже если они способны объясняться друг с другом, нет необходимости знать, что они *реально* следуют правилам, а если они все же знают это, нет необходимости *формулировать* правила.

с. Индивидуумы часто не могут ни объяснить, *почему* они следуют правилам, ни осознать, к чему *на самом деле ведут* эти правила.

⁷¹ Hayek Collection, box 65, folder 7, Hoover Institution Archives.

⁷² «Заметки об эволюции систем правил поведения. Взаимодействие между правилами индивидуального поведения и социальным порядком действий», настоящий том, с. 364, прим. 2.

⁷³ Нижеследующее изложение статьи близко к тому, что содержится в моей книге: Caldwell, *Hayek's Challenge*, pp. 309–310.

d. Не все правила приводят к возникновению порядка, а те, которые приводят к нему в определенной обстановке, могут оказаться дисфункциональными при ее изменении. Конкретизируя этот пункт, Хайек вновь вводит понятие возникающих <эмерджентных> явлений⁷⁴.

4. Если учесть перечисленные свойства правил, становится ясно, что обычно они не являются объектом выбора со стороны индивидуумов, сознательно стремящихся создать порядок. Эти правила сохраняются, пока существует группа, в которой они действуют⁷⁵.

5. Прошлая история группы, включающая в себя прошлые условия ее существования и прошлые правила, определяет, какие правила действуют в настоящем и какова соответствующая им природа порядка.

6. Порядки имеют разный уровень сложности. Социальные порядки относятся к числу самых сложных: «Общества тем отличаются от сложных структур более простого уровня, что их элементы сами являются сложными структурами, чьи шансы на сохранение обусловлены (или по крайней мере повышены) их принадлежностью к более общей структуре»⁷⁶.

7. Имея дело со сложными порядками, мы во многих случаях способны предложить, самое большее, лишь «объяснение принципа», регулирующего их действия. Точные предсказания здесь не будут возможны, и в нашем распоряжении останутся только «предсказания паттернов» о диапазоне ожидаемых явлений.

Теории, которые мы создаем для объяснения сложных порядков, будут запрещать меньшее количество событий и как таковые будут, следовательно, менее фальсифицируемыми, чем теории, рассматривающие простые явления. Как указывает Хайек в «Теории сложных явлений», это создает дихотомию в науках: «Таким образом, наука должна развиваться в двух различных направлениях: если, с одной стороны, безусловно желательно сделать наши теории в максимальной степени фальсифицируемыми, то, с другой, мы должны переходить в те области, где, по мере продвижения, уровень фальсифицируемости неизбежно снижается. Такова цена, которую мы вынуждены платить за проникновение в сферу сложных явлений»⁷⁷.

* * *

Интеллектуальная история всегда оставалась важным компонентом интересов Хайека. Его крупный незавершенный проект «Злоупотребления разумом» был призван показать, что идеи имеют большое значение, что ход истории Запада был навсегда изменен одновременным появлением сциентизма и социализма. В работе «Результаты человеческой деятельности, но не человеческого замысла» Хайек задает связанный с интеллектуальной историей вопрос: почему люди так часто упускали из виду стихийные порядки? Хотя Рене Декарт (которого Хайек всегда считал отцом рационалистического конструктивизма) был одним из тех, кто сбил нас с пути в Новое время, Хайек здесь возводит истоки ложного шага к тому различию, которое древнегреческие философы проводили между естественным и искусственным, понимая под

⁷⁴ Ср.: «Изменение обстановки может потребовать, в целях сохранения целого, изменений порядка группы и, соответственно, правил поведения индивидов, а стихийное изменение правил индивидуального поведения и создаваемого ими итогового порядка может позволить группе сохраниться в обстоятельствах, которые при отсутствии такого изменения привели бы к ее разрушению» («Заметки об эволюции систем правил поведения», с. 370). Я благодарю Уилла Кристи, который обратил мое внимание на это важное место.

⁷⁵ Как указывает Хайек, «для правильного понимания животных и человеческих сообществ различие между видами правил особенно важно, поскольку генетическая (и в значительной мере также культурная) *передача* правил поведения происходит *от индивидуума к индивидууму*, тогда как то, что можно назвать естественным *отбором* правил, происходит на основе большей или меньшей эффективности возникающего *порядка группы*» (Там же. С. 365–366; курсив в оригинале). Хотя Хайек не использует здесь термин «групповой отбор», но явно имеет в виду само понятие и совершенно уместно ссылается на работу видного сторонника этой теории В. К. Уинн-Эдвардса (с. 369, прим. 8).

⁷⁶ Там же. С. 377.

⁷⁷ «Теория сложных явлений», настоящий том, с. 345.

искусственным нечто «сознательно создаваемое человеком». Это различие, диктуемое, на первый взгляд, здравым смыслом, совершенно не учитывает явления, возникающие, как гласит название работы, в результате человеческой деятельности, но не в результате человеческого замысла.

Основная часть работы посвящена тому, как за сомнительной новацией Декарта последовало возрождение понятия порядка у испанских схоластов и британских моральных философов Адама Смита и Давида Юма, а также у таких менее известных, как Джосайя Такер и Адам Фергюсон⁷⁸. Перечисленные мыслители «создали социальную теорию, в центре которой находились непреднамеренные результаты индивидуального действия, и прежде всего – всеохватывающую теорию стихийного порядка рынка»⁷⁹. Эту идею, которую впоследствии неизменно связывали с метафорической «невидимой рукой» Адама Смита, высмеивали социальные теоретики XIX в., утверждавшие (по мнению Хайека, ошибочно), что она подразумевает естественную гармонию интересов. Лишь впоследствии новую жизнь в эту идею вдохнул австрийский экономист Карл Менгер; но и он избрал отправным пунктом взгляды юриста – в данном случае основателя немецкой исторической школы права Фридриха Карла фон Савиньи. Хайек рисует эволюционную историю, объясняющую, почему определенные институты возникли и сохранились: они появились «и стали именно такими потому, что они осуществляли координацию своих частей более эффективно, чем альтернативные и вытесненные ими институты. Таким образом, теория эволюции традиций и обычаев, сделавших возможным формирование стихийных порядков, оказывается тесно связанной с теорией эволюции определенных стихийных порядков – организмов и фактически предоставила основные понятия, на которых основывается последняя»⁸⁰.

В заключительной части работы Хайек сожалеет о том, что эти взгляды, сейчас уже прочно утвердившиеся в теоретических социальных науках, пользуются, по-видимому, очень малым влиянием в области юриспруденции, – что очень странно, если принять во внимание их происхождение. Доминирующая в этой области теория, юридический позитивизм, рассматривает все правовые нормы как результаты целенаправленного изобретательства или замысла. Критику юридического позитивизма, уже начатую в «Конституции свободы», Хайек продолжит во втором томе трилогии «Право, законодательство и свобода»⁸¹.

* * *

Работа «Конкуренция как процедура открытия» связывает воедино две крупные темы Хайека – проблему знания и концепцию конкуренции; тем самым она дополняет две более ранние работы, «Использование знания в обществе» и «Смысл конкуренции»⁸². Об этой связи Хайек говорит в самом начале и в весьма парадоксальной форме: «Если бы кому-нибудь на самом деле было известно все, что экономическая теория называет *данными*, то конкуренция и впрямь представляла бы весьма расточительный метод приспособления к этим “данным”»⁸³.

⁷⁸ К идеям представителей Шотландского Просвещения о стихийно возникающих социальных порядках Хайек впервые обратился в статье 1945 г. «Индивидуализм: истинный и ложный», которую хотел сделать начальной главой книги «Злоупотребления разумом». Она опубликована как пролог к изданию «Злоупотребления разумом и его упадок». Формулировка «результат человеческой деятельности, но не результат выполнения какого-либо человеческого замысла» принадлежит Фергюсону.

⁷⁹ «Результат человеческой деятельности, но не человеческого замысла», настоящий том, с. 388.

⁸⁰ Там же. С. 392.

⁸¹ См.: Hayek, *Constitution of Liberty*, vol. 16 (2011) of *The Collected Works of F. A. Hayek*, pp. 347–350 <Хайек Ф. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018. С. 312–314>; Hayek, *The Mirage of Social Justice*, vol. 2 of *Law, Legislation and Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1976), chapter 8 <Хайек Ф. Мираж социальной справедливости // Хайек Ф. Право, законо-

⁸² дательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. Глава 8>. Ее можно представить и как попытку изложить в сжатой форме

⁸³ некоторые идеи Вирджинских лекций. «Конкуренция как процедура открытия», настоящий том, с. 399.

Конкуренция вступает в свои права как процедура открытия именно потому, что нам неизвестны практически все данные, т. е., проще говоря, в силу дисперсии знания.

Хайек иллюстрирует свой тезис следующим примером. Как известно (или должно быть известно) каждому студенту, изучающему начальный курс экономической теории, отправной точной экономического мышления является основополагающий факт редкости⁸⁴. Но как мы можем узнать, какие блага характеризуются редкостью? Этим знанием мы обязаны силам конкуренции: «...какие блага являются редкими или какие предметы являются благами? И какова их редкость или ценность? Именно это и призвана выявлять конкуренция»⁸⁵. Рыночный порядок, отмечает Хайек далее, не нравится одним по причине его безличной природы, а другим потому, что не имеет собственной цели. Но эти свойства рыночного порядка на самом деле являются его достоинствами: корректировки, происходящие каждый день в результате действия безличных рыночных сил, позволяют миллионам индивидов в процессе реализации *их собственных* намерений и целей пользоваться знанием, принадлежащим миллионам других индивидов и выраженным в относительных ценах.

Хайек проводит аналогию между силами конкуренции на рынке и процессом научного открытия. То и другое – эффективные механизмы открытия; но поскольку мы никогда не можем знать заранее, каким именно будет открытие, у нас нет способа эмпирически проверить утверждение, что данные два механизма лучше, чем другие процедуры обнаружения знания. Хайек отмечает, что при описании рыночного конкурентного процесса он предпочитает термину «равновесие» термин «порядок». «Равновесие», считает он, «не совсем удачный термин, потому что подобное равновесие предполагает, что все факты уже открыты и конкуренция, следовательно, прекратилась»⁸⁶. Термин «порядок» акцентирует внимание на взаимном приспособлении планов, присутствующих в сложных самоорганизующихся системах. Для проведения корректировок «в нужном направлении» все такие системы используют отрицательную обратную связь – в экономической сфере это разочарование в ожиданиях. Рынок решает эту задачу небезукоризненно, но во многих случаях достаточно хорошо, и «мы допускаем несправедливость по отношению к рынку, когда смотрим на него, так сказать, сверху вниз, сравнивая его достижения с идеалом, пути достижения которого нам совершенно неведомы»⁸⁷.

* * *

Доклад «Примат абстрактного» был подготовлен для симпозиума, организованного Артутом Кёстлером в тирольском Альпбахе в 1968 г.⁸⁸ В предисловии к сборнику материалов симпозиума Кёстлер, именуя себя «правонарушителем из гуманистического лагеря»⁸⁹, излагает общую идею издания: за прошедшее десятилетие он принимал участие в разных сим-

⁸⁴ Редкость делает неизбежным выбор между альтернативными вариантами; издержки каждого выбора – это наиболее ценный вариант, от которого придется отказаться, и поэтому все возможные выборы имеют альтернативные издержки. Экономическая теория —

⁸⁵ это изучение выбора в мире редкости. «Конкуренция как процедура открытия», с. 402.

⁸⁶ Там же. С. 405. В докладе в Лондонской школе экономики в 1981 г. Хайек пойдет еще дальше, откажется от термина «равновесие» и заменит его метафорой потока. Этот доклад под названием «Поток товаров и услуг» сейчас доступен в издании: *Business Cycles, Part II*, ed. Hansjoerg Klausinger, vol. 8 (2012) of *The Collected Works of F. A. Hayek*.

⁸⁷ «Конкуренция как процедура открытия», настоящий том, с. 407.

⁸⁸ У Артура Кёстлера (1905–1983), уроженца Венгрии и автора анти тоталитарного романа «Слепящая тьма», был дом в Альпбахе. Кёстлер был в числе приглашенных Хайеком на семинар по проблеме аналогии, но не смог приехать. Горная тирольская деревня Альпбах с 1945 г. служила местом проведения летних школ, в которых часто принимал участие Хайек.

⁸⁹ Arthur Koestler, «Opening Remarks», in *The Alpach Symposium 1968, Beyond Reductionism: New Perspectives in the Life Sciences*, ed. Arthur Koestler and J. R. Smythies (New York: Macmillan, 1970), p. 1. Кёстлер тогда только что опубликовал книгу «The Ghost in the Machine» (New York: Macmillan, 1967), в которой критиковал бихевиоризм и, вводя понятие «целостность», утверждал, что главную роль в организации биологических организмов, начиная с простейших вплоть до обществ, играет иерархия.

позиумах и подметил по крайней мере у некоторых сциентистов «определенное недовольство господствующей философской пристрастностью, которая – либо открыто сформулированная, либо молчаливо подразумеваемая, – по-видимому, продолжает существовать как наследие XIX в., тогда как новые взгляды, доставленные современными исследованиями, превратили ее в анахронизм»⁹⁰. Участники симпозиума критиковали то, «что фон Берталанфи называл роботоморфическим представлением о человеке, или, говоря конкретнее, недостаточное очищение наук о жизни от механистических концепций физики XIX в. и возникающую в результате резко выраженную редукционистскую философию»⁹¹. Хайек, естественно, занимал похожую позицию. Текст «Примата абстрактного» основан на записях, которые Хайек сделал для своего выступления, и развивает темы, намеченные в работе «Правила, восприятие и умпостижимость».

Хайек начинает с парадоксального, на первый взгляд, заявления: все вещи, которые мы обычно представляем как конкретные, на самом деле являются продуктом абстракции, а именно наложения той или иной структуры классификации. Примат абстрактного мы не осознаем по той причине, что в нашем субъективном осознанном опыте «конкретные факты занимают центральное место, а абстракции выводятся из них»⁹². Главная мысль Хайека такова: «...необходимым условием восприятия фактов является способность сознания выполнять абстрактные операции и что эта способность должна присутствовать задолго до того, как мы сможем говорить об осознанном знании фактов. Субъективно мы живем в мире конкретного... Но когда мы хотим объяснить, почему мы ведем себя так-то и так-то, мы должны начинать с абстрактных отношений, создающих тот порядок, который, как целое, расставляет все факты по своим местам»⁹³. Хайек указывает, что хорошо известные результаты, полученные в целом ряде современных научных областей – в их числе он упоминает этологию, психологию, так называемое «знание как» и лингвистику, – подкрепляют его тезис, в пользу которого свидетельствуют и наблюдения исследователей общества – по крайней мере, со времен Адама Фергюсона.

Однако в этой работе Хайека немало нового или, во всяком случае, более четко объясненного. Прежде всего следует упомянуть пространный анализ ключевого понятия «предрасположенность» в разделе IV. Для Хайека понятие абстрактного означает склонность отвечать на определенные классы раздражителей не какой-либо конкретной реакцией, а реакцией определенного вида: «Предрасположенность, строго говоря, направлена не на конкретное действие, а на действие, обладающее определенными свойствами, и различные свойства конкретного действия будут определяться совокупным воздействием многих таких предрасположенностей»⁹⁴.

Следующий вывод состоит в том, что наш богатый чувственный опыт является не исходным пунктом, а результатом абстрагирования. Отсюда следует, в частности, что маленький ребенок воспринимает реальность отнюдь не как «пестрый жужжащий беспорядок» (по известному выражению Уильяма Джемса), т. е. может не только воспринимать конкретные факты, но и упорядочивать их. Если теория Хайека верна, ребенок, видимо, способен воспринимать структурированный мир, который не распадается на детали: «Ребенок и животное, конечно, живут не в том же самом чувственном мире, что и мы. Но объясняется это не тем, что они, имея одинаковые с нами “чувственные данные”, еще не способны извлекать из этих данных столько абстракций, сколько можем мы, а тем, что они располагают гораздо более узкой сетью упорядочивающих отношений. Это значит, что в их распоряжении гораздо меньше абстрактных

⁹⁰ Koestler, “Preface”, *The Alpbach Symposium*, p. vii.

⁹¹ Koestler, “Opening Remarks”, *The Alpbach Symposium*, p. 2. Берталанфи принимал участие в симпозиуме.

⁹² «Примат абстрактного», настоящий том, с. 415.

⁹³ Там же. С. 415.

⁹⁴ Там же. С. 420.

классов, под которые они могут подвести свои чувственные впечатления, и, соответственно, значительно менее богаты качества, которые воспринимаются их якобы элементарными ощущениями»⁹⁵.

Третий вывод состоит в том, что наш осознанный опыт не является вершиной ментального процесса: в нашем сознании присутствует многое такое – упорядочение и классификация раздражителей (Хайек называет это «надсознательным» процессом), – что «управляет осознаваемыми процессами, не обнаруживая себя в этих последних»⁹⁶. Это главная причина, по которой мы можем объяснить лишь принцип функционирования мозга, но никогда не сможем полностью описать все его детали.

Хайек заключает, что формирование того, что представляется новой абстракцией, – это просто обнаружение чего-либо уже управляющего нашими ментальными операциями. Он отмечает, что такой подход к пониманию творческой способности имеет точки соприкосновения с концепцией «бисоциации», предложенной в книге Кёстлера «Акт Творения»⁹⁷. К сожалению, в своих подробных комментариях о докладе Хайека Кёстлер не затронул эту тему.

* * *

В 1969 г. Хайек переехал в австрийский Зальцбург. «Ошибки конструктивизма» – его инаугурационная лекция в Зальцбургском университете, прочитанная 27 января 1970 г. В ней Хайек противопоставляет конструктивизму – т. е. представлению, что, поскольку человек создал институты, он должен быть способен целенаправленно изменять их, – другое представление: хотя все наши социальные институты являются результатом человеческой деятельности, не все они являются результатом человеческого замысла. Отсюда следует, что цивилизация не была плодом человеческого разума и что разум и цивилизация формировались параллельно. В данном плане эту лекцию можно считать продолжением работы 1967 г. «Результат человеческой деятельности, но не человеческого замысла».

Однако она представляет собой нечто гораздо большее, поскольку отличается в высшей степени комплексным характером. Хайек постарался представить своим новым коллегам широкий набор тем, которыми он занимался в последнее десятилетие, и показать, как они связаны между собой. Он упоминает не менее девяти своих ранее опубликованных работ, что, пожалуй, является рекордом (для него) самоцитирования в сравнительно небольшом тексте. Хайек столь высоко оценивал «Ошибки конструктивизма», что избрал этот текст в качестве теоретического введения к своему сборнику 1978 г. «Новые исследования по философии, политике, экономической теории и истории идей»⁹⁸.

Кроме того, в этом тексте Хайек намечает ряд тем, которые будут фигурировать в трилогии «Право, законодательство и свобода»; в частности, он говорит об отношении между правовыми институтами и работой рынков, а также о вреде, причиненном теоретиками утилитаризма и юридического позитивизма, последствием деятельности которых стала совершенно неприемлемая для Хайека концепция «социальной справедливости». Когда Хайек включил эту работу в сборник 1978 г., он сделал специальную ссылку на первый том трилогии⁹⁹. Наконец, он кратко затрагивает тему, которую разовьет более подробно в работе «Пагубная самонаде-

⁹⁵ Там же. С. 425. Это утверждение стало важным пунктом обсуждения в последующей дискуссии.

⁹⁶ Там же. С. 426.

⁹⁷ Koestler, *The Act of Creation* (London: Hutchison, 1964). Кёстлер считает, что юмор, научное открытие и художественное творчество основаны на общем паттерне – бисоциативном мышлении, благодаря которому с помощью творческого скачка устанавливается связь между ранее не связанными системами координат.

⁹⁸ F. A. Hayek, *New Studies in Philosophy, Politics, Economics, and the History of Ideas* (Chicago: University of Chicago Press, 1978).

⁹⁹ «Ошибки конструктивизма», настоящий том, с. 452, прим. 13.

янность», – тему происхождения наших экономических институтов: «Никто из наших предков не мог знать, что защита собственности и обязательства по контрактам приведут к интенсивному разделению труда, к специализации и к возникновению рынков, не мог знать, что распространение правил, первоначально действительных лишь для членов одного племени, на людей, не принадлежавших к этому племени, в итоге завершится возникновением мировой экономики»¹⁰⁰. Вряд ли можно найти более удачный свод зрелых идей Хайека, чем «Ошибки конструктивизма».

* * *

В сборник 1978 г. Хайек включил и статью «Природа или воспитание – еще раз»; встает резонный вопрос, по какой причине – если учесть, что она представляет собой всего лишь небольшую рецензию на книгу английского биолога и генетика С. Д. Дарлингтона¹⁰¹. Думаю, причина в том, что рецензия дала Хайеку возможность проиллюстрировать некоторые собственные идеи – в данном случае по поводу старинного спора о соотносительной важности природы и воспитания.

Дарлингтон рассматривает человеческую историю с удобной позиции генетика и утверждает, что различные врожденные свойства являются ключевыми детерминантами истории. Хотя Хайек в целом хвалит книгу как удачное лекарство от бихевиоризма, он полагает, что Дарлингтон ошибочно переоценивает роль генетического фактора. Суть ошибки Дарлингтона состоит в его убеждении, что «все действия, не обладающие сознательным рациональным характером, он объявляет генетически предопределенными. Он оперирует простым противопоставлением генетически детерминированных, врожденных, инстинктивных или бессознательных способностей, с одной стороны, и рациональных или усвоенных действий – с другой»¹⁰².

Как несложно догадаться, Хайек считает, что речь должна идти о чем-то большем, чем простой выбор между нашим генетическим наследством и сознательно усвоенным поведением. Он приводит подражательное поведение маленьких детей как пример досознательного обучения и отмечает, что, когда такое обучение имеет место, «трансляция способностей принимает новую форму – несравненно более высокую, чем генетическая трансляция, именно потому, что она включает в себя передачу приобретенных свойств, чего генетическая трансляция не обеспечивает»¹⁰³. По мнению Хайека, усвоение значительной части информации происходит бессознательно, а групповой отбор играет ключевую роль в культурной эволюции.

В конце рецензии Хайек отмечает, что не существует теста, который позволил бы определить, в какой мере наша культура зависит от врожденных свойств индивидуумов и в какой мере она передается средствами самой этой культуры. Хайек писал эту рецензию в 1971 г., во время студенческих беспорядков, когда многие традиционные ценности были поставлены под сомнение, и потому с прискорбием констатирует отсутствие общего оценочного критерия: «Если бы он у нас был, то, вероятно, показал бы, насколько неустойчиво состояние нашей цивилизации

¹⁰⁰ Там же. С. 456. Ср.: Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М.: Новости, 1992.

¹⁰¹ Дарлингтон – достаточно любопытная фигура. Он был близким другом Дж. Б. С. Холдейна, одного из «людей науки» для Хайека, но потом разошелся с ним по поводу Лысенко, с подачи которого академические власти в СССР запретили генетику. Впоследствии Дарлингтон придерживался той точки зрения, что различные расы отличаются друг от друга генетическими и культурными свойствами. Этим, возможно, объясняется реакция рецензента в «New Stateman», которую Хайек упоминает в конце своей небольшой статьи.

¹⁰² «Природа или воспитание – еще раз», настоящий том, с. 472.

¹⁰³ Там же. С. 473.

– неустойчиво именно потому, что ее основу составляют прежде всего культурные традиции, которые могут быть разрушены гораздо быстрее, чем генетический багаж населения»¹⁰⁴.

* * *

В 1974 г. Хайек и шведский экономист Гуннар Мюрдаль стали лауреатами Нобелевской премии по экономике Банка Швеции. Совместная премия, рассчитанная, несомненно, на создание некоего идеологического баланса, никак не могла удовлетворить ее получателей¹⁰⁵. «Претензия знания» – Нобелевская речь Хайека, посвященная, как и следовало ожидать, экономической науке. Она вполне подходит для завершения данного тома, поскольку содержит типичный для Хайека набор тем.

Хайек выступил с речью в декабре 1974 г., когда «главной практической проблемой», вставшей перед экономистами, было ускорение темпов инфляции¹⁰⁶. С точки зрения Хайека, проблему создала политика, которую поддерживали и пропагандировали большинство экономистов: «Как профессионалы, мы основательно запутали дело»¹⁰⁷.

Источником заблуждений экономистов был сциентизм, убеждавший их в том, что подлинно научная теория должна оперировать количественными данными. Вторую проблему создавала презумпция существования простых связей между агрегированными статистическими данными – в данном случае между агрегированной безработицей и агрегированным спросом. Но рынки, которыми занимаются экономисты, – это чрезвычайно сложные явления. Экономисты хотят быть «научными», считают, что «научность» гарантируют лишь те теории, для которых имеются все данные, и это убеждение часто побуждает их избирать неверную теорию: «Например, корреляция между совокупным спросом и общей занятостью может быть только приблизительной, но поскольку только эти расчеты дают четкие количественные результаты, то она принимается как единственно точная причинная связь. Согласно такому стандарту, находятся все новые, более солидные “научные” обоснования для ложной теории, которая получает признание, потому что она более “научна”, чем истинное объяснение, которое отвергается, потому что для него нет достаточных количественных данных»¹⁰⁸. «Модная ныне теория», вытекающая из этого убеждения, гласит, что безработицу можно «устойчиво вылечить» с помощью инфляционной политики (т. е. с помощью стимулирующей монетарной политики)¹⁰⁹.

С точки зрения Хайека, «высокий уровень безработицы» возникает тогда, когда искажается структура цен и заработной платы, и обычно это происходит из-за фиксирования цен в той или иной форме либо монополиями, либо государством¹¹⁰. Когда это происходит, для восстановления равновесия необходимы изменения относительных цен. Только вот конкретная структура заработной платы и цен, способная восстановить равновесие, никому не известна и не может быть известна. Есть и другой способ выразить ту же мысль: хотя и можно создать математические модели, описывающие структуру экономики, никогда не будет возможно под-

¹⁰⁴ Там же. С. 476.

¹⁰⁵ Когда в 1976 г. Милтон Фридмен получил Нобелевскую премию, Мюрдаль публично заявил, что это было неправильное решение. Разве экономическая наука может считаться наукой, если такие люди, как Фридмен и Хайек – которых Мюрдаль считал реакционерами, – получают эту премию? Перевод статьи Мюрдаля см. в: Gunnar Myrdal, “The Nobel Prize in Economic Science”, *Challenge*, March – April 1977, pp. 50–52. В свою очередь, выступая на банкете в 1974 г., Хайек сказал, что если бы с ним проконсультировались по поводу учреждения премии по экономике, он «решительно выступил бы против».

¹⁰⁶ «Претензия знания», настоящий том, с. 477. Хайек обращает особое внимание на инфляцию, но считает проблемой и безработицу. В декабре 1974 г., по крайней мере в США, великая стагфляция 1970-х годов уже набрала силу.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. С. 479.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ «Монополиями» Хайек считал как промышленные монополии, так и профсоюзы.

ставить необходимые числовые данные вместо переменных. Такова цена, которую приходится платить, когда имеешь дело с явлениями высокого уровня сложности; эти слова Хайек повторяет не раз. Как и в более ранних работах, он называет «явлениями высокого уровня сложности» такие, в которых количество значимых переменных велико и для которых статистические методы не годятся, поскольку это явления «организованной сложности»¹¹¹.

Иными словами, в своей Нобелевской речи Хайек представляет сокращенную версию выводов для экономической политики из австрийской теории делового цикла в комбинации с его собственными размышлениями об опасностях сциентизма при рассмотрении явлений высокого уровня сложности. Его теория, разумеется, мало утешает тех, кто желает вмешиваться в экономику с целью укрощения делового цикла¹¹². Хайек сознает, что его слова звучат не слишком ободряюще: «...я хотел продемонстрировать на актуальном примере следующий несомненный в моей области и, по-моему, вообще в науках о человеке вывод: то, что на поверхности выглядит как наиболее научный метод, часто оказывается самым ненаучным, и, более того, в этих областях имеются определенные пределы возможных ожиданий от науки. <...> И в самом деле, в отличие от вызываемого открытиями в физических науках радостного возбуждения, знания, которые мы получаем от изучения общества, чаще действуют угнетающе на наши устремления»¹¹³.

Свою Нобелевскую речь Хайек завершает фразой, которая хорошо отображает разнообразие тем, затронутых им как в этой речи, так и в более ранних работах: «Признание непреодолимых пределов его знания должно преподать исследователю общества урок смирения, который должен предохранить его от соучастия в пагубном стремлении людей к контролю над обществом – стремлении, которое не только превращает его в тирана своих ближних, но и способно сделать его могильщиком цивилизации, которая не создавалась по замыслу какого-либо разума, а выросла из свободных усилий миллионов людей»¹¹⁴. Многим читателям эти слова покажутся излишне драматическими – но ведь они были написаны в драматические времена. Стагфляция подчеркнула трудности успешного применения наиболее «научной» макроэкономической доктрины того времени, кейнсианской политики управления спросом. Одни сочли это признаком неудачи капитализма, а другие пришли к выводу, что для объяснения функционирования экономики необходима более совершенная теория. У Хайека была такая теория, но ее выводы отличались исключительной скромностью. Об интеллектуальной честности Хайека, вероятно, лучше всего свидетельствует следующее обстоятельство: он понимал, что с его позицией мало кто согласится – приверженность сциентизму не исчезнет так легко.

* * *

Собранные в данном томе работы представляют собой убедительную документальную картину медленной, но безостановочной эволюции взглядов Хайека на изучение сложных стихийных порядков. С этой проблемой он впервые столкнулся, когда размышлял о том, как рыночная система может координировать человеческую деятельность в мире, где знание рассеяно и субъективно. Но затем он понял, что такие порядки существуют повсеместно: их можно найти в природе, и их существование непременно нужно учитывать при объяснении возник-

¹¹¹ Там же. С. 481. Следует отметить, что, когда Хайек говорит о «явлениях организованной сложности», он ссылается на Уоррена Уивера.

¹¹² Уместно заметить, что справедливость предупреждений Хайека о вероятном результате «постоянного впрыскивания дополнительного количества денег» в систему была подтверждена опытом экономики США при политике «стоп-вперед», которая господствовала в 1970-х годах.

¹¹³ Там же. С. 485.

¹¹⁴ Там же. С. 372. Используя выражение «тиран своих ближних», Хайек, возможно, парафразирует Кейнса, который, защищая неравенство доходов в заключительной главе «Общей теории», писал:

новения многих наших самых важных социальных, культурных и экономических институтов. Сама вездесущность таких порядков влечет за собой далеко идущие последствия. Каковы свойства стихийных порядков? Как лучше всего их изучать? С какими ограничениями мы встречаемся, когда пробуем предсказать их поведение или контролировать их? А если мы ответим на эти вопросы, то каковы очередные вопросы, касающиеся организации общества? Отвечая на перечисленные вопросы, Хайек научно обосновал свои аргументы об ограниченности планирования и важности взращивания такой системы институтов, которая позволит обществам и входящим в них индивидуумам преуспевать все лучше.

«Лучше, чтобы человек тиранил свой банковский счет, чем своих сограждан». См.: J. M. Keynes, *The General Theory of Employment, Interest, and Money* (London: Macmillan, 1936), p. 374 <ср.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 334>.

Настоящий том имеет название «Рынок и другие порядки». Оно призвано отразить движение мысли Хайека: он начал с рыночного порядка, а затем осознал существование порядков во многих других областях. Оно также перекликается с названием сборника Хайека 1948 г. «Индивидуализм и экономический порядок», где впервые были собраны некоторые его ранние работы. Нет сомнения, что главы настоящего тома являются одними из самых важных работ Хайека и, если мне будет позволено закончить личным признанием, принадлежат к числу моих фаворитов.

Брюс Колдуэлл

Дарэм, Северная Каролина,

ноябрь 2012 г.

Рынок и другие порядки

Пролог: виды рационализма¹¹⁵

I

Проводя критический анализ ряда господствующих сегодня верований, мне порой приходилось делать трудный выбор. Часто случается, что вполне специфические требования обозначаются замечательно хорошим словом, которое в более общем значении обозначает весьма желательную и одобряемую в целом деятельность. Мне приходится противостоять специфическим требованиям, которые зачастую есть результаты веры в то, что если некоторая установка является в общем случае благотворной, то она должна быть таковой во всех применениях. Это создает определенные трудности для критики современных убеждений, и впервые я с ними столкнулся в связи со словом «планирование»¹¹⁶. То обстоятельство, что, собираясь что-либо сделать, нужно подумать, тот факт, что разумное упорядочивание собственной жизни требует наличия ясных представлений о наших целях, кажется настолько очевидным, что трудно поверить, чтобы требование планирования могло оказаться ложным. В частности, вся хозяйственная деятельность представляет собой планирование решений об использовании ресурсов во всех возможных конкурирующих применениях. Поэтому для экономиста совершенно нелепо противостоять «планированию» в самом общем смысле этого слова.

Но в 1920—1930-х годах это хорошее слово начали использовать в более узком и специфическом смысле. Оно стало обозначать широко распространенное требование, что не каждый из нас должен разумно планировать собственную экономическую деятельность, а хозяйственная деятельность каждого должна быть направляема из центра в соответствии с единым планом, установленным центральной властью. Таким образом, «планирование» стало обозначать централизованное коллективистское планирование, и вся дискуссия, планировать или не планировать, стала относиться к этому единственному вопросу. То обстоятельство, что хорошее слово «планирование» было присвоено сторонниками централизованного планирования для обозначения собственной схемы, поставило их оппонентов перед нелегким выбором. Следовало ли высвободить это слово для законного использования и настаивать, что свободная экономика имеет основой отдельные планы множества индивидов и дает последним больше возможностей для планирования собственной жизни, чем централизованно планируемая система? Или следовало принять новое узкое значение слова и просто направить критику против «планирования»?

Правильно или ошибочно, но я решил, к некоторому неудовольствию моих друзей, что история зашла слишком далеко и поздно уже высвобождать слово для законного использования. И раз мои оппоненты выступали просто за планирование, имея в виду централизованное планирование всей экономической деятельности, я направил критику против «планирования»

¹¹⁵ Лекция, прочитанная 27 апреля 1964 г. в университете Рикью, Токио, была опубликована в *The Economic Studies Quarterly*, Tokyo, vol. XV, 3, 1965, pp. 1 – 12. [Перепечатана в: F. A. Hayek, *Studies in Philosophy, Politics and Economics* (Chicago: University of Chicago

Press, 1967), pp. 82–95. – *Ред.*] [Ср. например, обсуждение Хайеком «тумана путаницы и неопределенности, обволакивающего термин “планирование”» в статье «Свобода и экономическая система» (1939); см.: F. A. Hayek, *Socialism and War: Essays, Documents, Reviews*, ed. Bruce Caldwell, vol. 10 (1997) of *The Collected Works of F. A. Hayek* (Chicago: University of Chicago Press; London: Routledge), pp. 193–200. См. также его обсуждение планирования в статье «Использование знания в обществе»; см. настоящий том, главу 3. – *Ред.*]

в целом, предоставив противникам использовать хорошее слово и открыв себя для обвинений, что я противник использования разума для упорядочивания наших дел. И я все еще считаю, что при тогдашнем положении дел такая лобовая атака на планирование была необходима для развенчания нового идола.

Позднее у меня возникли схожие трудности с благословенным словечком «социальный». Как и «планирование», оно стало модным хорошим словом времени и в своем первоначальном значении – принадлежать к обществу – могло бы быть очень полезным словом. Но такие современные его употребления, как «социальная справедливость» (легко понять, что всякая справедливость есть социальное явление) или когда наши социальные обязанности противопоставляются просто моральному долгу, сделали его одним из самых вредных и запутывающих слов нашего времени. Это слово не только лишилось всякого содержания и стало пригодным для обозначения любого произвольного значения, но оно обесмыслило все термины, в устойчивом сочетании с которыми его использовали (как в немецком *soziale Marktwirtschaft* или *sozialer Rechtsstaat*¹¹⁷). В результате я почувствовал себя обязанным выступить против этого слова и показать, в частности, что концепция социальной справедливости вообще лишена смысла и представляет собой лишь смущающий мираж, который должен быть избегаем всеми ясно мыслящими людьми. Эта атака на еще один священный идол нашей эпохи выставила меня в глазах многих в роли безответственного экстремиста, находящегося в разладе с духом времени.

Еще одним примером хорошего слова, которое, если бы не его специальное значение, я был бы рад использовать для обозначения собственной позиции, является слово «позитивный» <«положительный»> или «позитивист». Из-за приданного ему особенного значения мне пришлось оставить это превосходное слово противникам и стать «антипозитивистом», хотя я в той же мере сторонник положительной науки, как и самозванные позитивисты.

II

Есть еще один конфликт мнений, в котором я не могу обойтись без подробных объяснений. Общая социальная философия, которой я придерживаюсь, иногда обозначается как антирационализм, и я, подобно другим, использовал этот термин по крайней мере в применении к моим интеллектуальным предшественникам – Бернарду Мандевилю, Давиду Юму и Карлу Менгеру¹¹⁸. В результате возникло столь много заблуждений, что это обозначение стало мне представляться весьма опасным и ложным.

Здесь опять перед нами ситуация, когда одна группа мыслителей закрепила за собой право на единственно верное толкование хорошего слова и получила имя рационалистов. Неизбежно было, что те, кто не соглашался с их истолкованием разума, стали известны как «анти-

¹¹⁷ [Эти фразы переводятся как «социальная рыночная экономика» и «социальное верховенство права». <Немецкое *Rechtsstaat* является переводом английского *Rule of Law*. – *Изд.*> Подробнее об этом см. главу «Наш отравленный язык» в: F. A. Hayek, *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*, ed. W. W. Bartley III, vol. 1 (1988) of *The Collected Works of F. A. Hayek*, especially pp. 114–119 <Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М.: Новости, 1992. С. 197–205>. – *Ред.*]

¹¹⁸ [Хайек имеет ввиду голландского врача Бернарда Мандевила (1670–1733), шотландского философа Давида Юма (1711–1776) и основателя австрийской экономической школы Карла Менгера (1840–1921). Хайек обсуждает обозначенную здесь традицию в его Финлеевской лекции 1945 г. «Индивидуализм: истинный и ложный», опубликованной в: *Studies on the Abuse and Decline of Reason: Texts and Documents*, ed. Bruce Caldwell, vol. 13 (2010) of *The Collected Works of F. A. Hayek*, pp. 46–74. <См.: Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.; Челябинск: Социум, 2016. С. 1–40.> См. также его очерки о Мандевиле («Dr. Bernard Mandeville (1670–1733)») и Юме («The Legal and Political Philosophy of David Hume (1711–1776)»): *The Trend of Economic Thinking: Essays on Political Economists and Economic History*, ed. W. W. Bartley III and Stephen Kresge, vol. 3 (1991) of *The Collected Works of F. A. Hayek*, chapters 6 and 7 (соответственно), а также две статьи о Карле Менгере: «Карл Менгер (1840–1921)» и «Место “Оснований” Менгера в истории экономической мысли»: *The Fortunes of Liberalism: Essays on Austrian Economics and the Ideal of Freedom*, ed. Peter Klein, vol. 4 (1992) of *The Collected Works of F. A. Hayek*, chapter 2 <Хайек Ф. Судьбы либерализма в XX веке. М.; Челябинск: ИРИСЭН; Социум, 2009>. – *Ред.*]

рационалисты». Возникло впечатление, что последние оценивают разум не столь высоко, хотя их-то заботило более эффективное использование разума, для чего, считали они, нужно верно понять границы эффективного использования индивидуального разума в регулировании взаимоотношений между множеством разумных существ.

Существует, как мне представляется, разновидность рационализма, которая, не осознавая границ власти индивидуального разума, фактически уменьшает его возможности. Эта разновидность рационализма представляет собой относительно новое явление, хотя корни его восходят к древнегреческой философии. Его современное влияние, однако, начинается только в XVI–XVII вв. и связано, в частности, с формулировками французского философа Рене Декарта¹¹⁹. Преимущественно благодаря ему изменился смысл термина «разум». Для средневековых мыслителей разум означал преимущественно способность осознавать истину, особенно нравственную истину¹²⁰, а не способность дедуктивного вывода из явно заданных предпосылок. И они довольно ясно осознавали, что многие институты цивилизации не были изобретены разумом, а представляют собой явную противоположность всему изобретенному – то, что называлось «естественным», т. е. стихийно выросшее.

Выступая против более старой теории естественного права, которая признавала в большинстве институтов цивилизации не продукт целенаправленного конструирования, новый рационализм Фрэнсиса Бэкона, Томаса Гоббса и в особенности Рене Декарта заявил, что все полезные установления цивилизации были и должны быть продуктом целенаправленного творчества сознательного разума¹²¹. Этот разум отождествлялся с картезианским *esprit géométrique*, с интеллектуальной способностью дедуктивно выводить истину из немногих очевидных и несомненных предпосылок.

Мне представляется, что лучше всего называть этого рода наивный рационализм рационалистическим конструктивизмом. В сфере социальных отношений это понимание стало источником неизмеримого вреда, хотя оно же оказалось достаточно плодотворным в области технологий. (Чтобы не думали, что, обозначив этот подход как «конструктивизм», я дарю моим оппонентам еще одно хорошее слово, отмечу, что как раз в этом значении это слово уже использовалось величайшим либералом XIX в. У. Гладстоном¹²². Он обозначал этим словом установку, для которой прежде я не нашел лучшего имени, чем «инженерный склад ума». «Конструктивизм» мне кажется более подходящим обозначением той практической установки, которая постоянно сопутствует тому, что в области теории я называю «сциентизмом»¹²³.)

¹¹⁹ [В статье «Индивидуализм: истинный и ложный» Хайек отводит французскому философу Рене Декарту ключевую роль в развитии современной рационалистической традиции. – *Ped.*]

¹²⁰ Ср.: «Под “разумом”, как я полагаю, здесь следует понимать не интеллектуальную способность, формирующую наши рассуждения и осуществляющую доказательства, а некие определенные практические принципы, из которых проистекают все добродетели и вообще все, что необходимо для формирования подлинной нравственности» (John Locke, *Essays on the Laws of Nature* (1676), ed. W. von Leyden, Oxford (Clarendon Press), 1954, p. 111 <ЛоккДж. Опыты о законе природы // Локк Дж. Соч.: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 4>).

¹²¹ [Сегодня лорда-канцлера Англии Фрэнсиса Бэкона (1561–1625) помнят за его сочинения о научном методе. Свою точку зрения на Бэкона Хайек изложил в очерке «Francis Bacon: Progenitor of Scientism», опубликованном как глава 5 «The Trend of Economic Thinking». Английский философ Томас Гоббс (1588–1679) разработал теорию общественного договора, согласно которой индивиды уступают свои естественные права суверену, чтобы избежать «войны всех против всех», которая существует в естественном состоянии. – *Ped.*]

¹²² [Британский государственный деятель Уильям Юарт Гладстон четыре раза занимал должность премьер-министра. Как Хайек признает в статье «Ошибки конструктивизма» (настоящий том, с. 445, прим. 3), ему так и не удалось найти в опубликованных сочинениях Гладстона упоминания конструктивизма. Возможно, он имел в виду письмо Гладстона лорду Актому от 11 февраля

¹²³ 1885 г., где Гладстон говорит о либерализме того времени: «Его любимая идея заключается в том, что называется строительство <construction>, т. е. передача в руки государства дел отдельных людей». См.: *Selections from the Correspondence of the First Lord Acton*, ed. John Neville Figgis and Reginald Vere Laurence (London: Longmans, Green, 1917), vol. 1, p. 239. Этот факт раскопал Джек Блейдел, и я хотел бы поблагодарить его за это, а также за высказанное им правдоподобное предположение, что Хайек мог наткнуться на эту цитату, читая биографию Гладстона, написанную Джоном Морли. См.: John Morley, *The Life of William Ewart Gladstone* (New York: Macmillan, 1904), vol. 3, p. 173. – *Ped.* / Cp.: Hayek F. A., *The Counter-Revolution of Science*

Господство этих идей в XVII в. отражает возврат к предшествующему, наивному образу мышления, которое предполагало, что каждое установление – язык, письменность, право или мораль – обязано возникновением некоему изобретателю. Далеко не случайно, что картезианский рационализм оказался совершенно слеп к силам исторической эволюции. И свой способ истолкования прошлого он рассматривал как программу для будущего: человек, полностью отдающий себе отчет в том, что он делает, создаст такую цивилизацию и социальный порядок, какие позволяет процесс мышления. С этой точки зрения рационализм есть доктрина, предполагающая, что все благодетельные для человечества установления есть продукт сознательных, целенаправленных изобретений, прошлых и будущих; что они подлежат одобрению и признанию только в той степени, в какой может быть показано, что их результаты окажутся лучше, чем результаты альтернативных уложений для всякой данной ситуации; что мы можем таким образом формировать наши установления, что будут реализованы наилучшие, с нашей точки зрения, из всех возможных, и что мы никогда не предпочтем автоматические или механические механизмы, если сознательный учет всех факторов сделает предпочтительным результат, недоступный стихийным процессам. Весь современный социализм, планирование и тоталитаризм имеют источником эту разновидность социального рационализма или конструктивизма.

III

Теперь мы можем сформулировать нашу проблему: действительно ли цивилизация, как предполагают картезианцы и их наследники, является продуктом человеческого разума, либо следует рассматривать разум как продукт цивилизации, которая не была кем-либо изобретена, но возникла в процессе эволюции. Это, конечно, есть разновидность вопроса о «курице и яйце», и никто не станет отрицать их взаимосвязанности. Но для картезианского рационализма типично настаивать на первом истолковании, на представлении о том, что человеческий разум предсуществует и создает установления цивилизации. Начиная от идеи «общественного договора» до представления, что закон создается государством и что, раз уж мы создали наши институты и установления, мы же можем их произвольно изменять, – все мышление нашей эпохи пронизано этой традицией. Для этой традиции характерно и то, что в ней нет места для социальной теории: ведь проблемы социальной теории возникают из того факта, что индивидуальные усилия имеют своим результатом порядок, который, будучи непреднамеренным и непредвиденным, оказывается незаменимым для достижения того, к чему стремятся люди.

Достойно упоминания, что результаты двух с лишним столетий усилий социальных и в особенности экономических теоретиков получают неожиданную поддержку со стороны новой науки социальной антропологии, которая демонстрирует, что то, что издавна считалось изобретением разума, на деле является результатом эволюции и отбора, схожего с процессами, которые мы находим в области биологии. Я называю эту дисциплину новой наукой, хотя социальная антропология просто продолжает работу, начатую МанDEVИЛЕМ, ЮМОМ и их преемниками из числа шотландских философов, которая была в основном забыта из-за того, что их последователи все больше и больше вовлекались в разработку узкой сферы экономической теории¹²⁴.

В самом общем виде основной результат, достигнутый на этом направлении, гласит, что даже способность мыслить есть не индивидуальная способность, а элемент культуры и пере-

(Glencoe, Ill., Free Press, 1952). [Хайек имеет в виду очерк «Scientism and the Study of Society»; см.: *Studies on the Abuse and Decline of Reason*, pp. 75–166. – *Ред.*] <Хайек Ф. Сциентизм и изучение общества // Хайек Ф. Контрреволюция науки. М.: ОГИ, 2003. С. 27 – 134.>

¹²⁴ [Подробнее о предистории социально-культурной антропологии см.: F. A. Hayek, *Rules and Order*, vol. 1 (1973) of *Law, Legislation and Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, and Routledge: London, 1973–1979), pp. 22–24, 74–76, и соответствующие примечания. <Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: в 3 т. Т. 1: Правила и порядки. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 40–43, 93–95.> – *Ред.*]

дается не биологическими механизмами, а через пример и научение, преимущественно через научение языку. Язык, осваиваемый нами в раннем детстве, по-видимому, предопределяет стиль мышления, способ понимания и истолкования мира в куда большей степени, чем мы предполагаем. Посредством языка нам сообщаются не просто знания прежних поколений; сама структура языка предполагает определенные взгляды на природу мира, так что, осваивая язык, мы впитываем некую картину мира – рамку нашего мышления, в пределах которой в дальнейшем будет протекать наше мышление, не отдавая в этом отчета. Подобно тому как в детстве мы осваиваем язык, правил которого в явном виде мы не знаем, мы вместе с языком осваиваем правила понимания мира и правильного поведения в нем, и в дальнейшем эти не осознаваемые нами правила руководят нашим поведением. Этот феномен безотчетного научения есть важнейшая часть механизма передачи культуры, понимаемого нами пока что далеко не в полной мере.

IV

Сказанное выше означает, скорее всего, что наше мышление подчиняется <guided> правилам (или даже управляется <operated> ими), которых мы не осознаем, а значит, наш разум способен принимать в расчет только часть обстоятельств, определяющих наши действия. То, что рациональное мышление есть только один из элементов, управляющих нами, признано уже давно. В соответствии со схоластической максимой *ratio non est iudex, sed instrumentum* – разум не судья, а инструмент. Ясное понимание пришло только после, когда Давид Юм показал (в споре с конструктивистским рационализмом своего времени), что «правила морали не являются заключениями нашего разума»¹²⁵. Это, конечно, относится ко всем нашим ценностям, которые представляют собой цели, обслуживаемые разумом, но не определяемые им. Это не означает, что разум не участвует в разрешении конфликтов между ценностями, – а все моральные проблемы создаются конфликтами между ценностями. Но именно анализ того, как мы разрешаем эти конфликты, лучше всего показывает ограниченность роли разума. Разум помогает нам только увидеть имеющиеся альтернативы, т. е. что представляют собой конфликтующие ценности, какие из них представляют собой истинно конечные ценности, а какие являются только промежуточными, получающими значимость только от того, что служат другим ценностям. Но ничем другим разум не может быть нам полезен. Он вынужден принимать как данность те ценности, для служения которым он создан.

Другое дело, что сами ценности имеют функцию, или «назначение», которая может быть раскрыта с помощью научного анализа. Детальный анализ попыток объяснить, почему мы придерживаемся тех или иных ценностей, помогает разграничить разные виды рационализма. Самой известной теорией морали является утилитаризм. Он существует в двух формах, которые прекрасно иллюстрируют различия между законным использованием разума в деле рассмотрения ценностей и ложным «конструктивистским» рационализмом, который пренебрегает ограниченностью разума.

В своей первой и законной форме утилитаризм возникает в работах того же Давида Юма, который так настойчиво подчеркивал, что «разум сам по себе совершенно не способен» создавать правила нравственности, и одновременно настаивал, что для успеха в достижении целей человек должен подчиняться моральным и правовым нормам, которые не были кем-либо изобретены или сконструированы¹²⁶. Он показал, что определенные абстрактные правила

¹²⁵ [David Hume, *A Treatise of Human Nature*, in *The Philosophical Works*, ed. T. H. Green and T. H. Grose, new rev. ed. (London: Longmans, Green, 1890), vol. 2, p. 235 <Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 1. С. 497>. – *Ред.*]

¹²⁶ [Ibid. <Там же.> Этот и предыдущий фрагменты трактата Юма, процитированные Хайеком, находятся в первой части книги III «О морали». Во второй части этой книги, озаглавленной «О справедливости и несправедливости», Юм рассуждает о происхождении и последствиях тех моральных и правовых правил (в частности, стабильность владения, передача собствен-

поведения начали превалировать потому, что группы, принявшие именно эти правила, обрели некие преимущества перед другими группами. В связи с этим он подчеркивал превосходство порядка, возникающего, когда каждый член общества подчиняется одним и тем же абстрактным правилам, даже не понимая их значимости, над состоянием, когда каждое отдельное действие осуществляется из соображений целесообразности, т. е. после сознательного учета всех конкретных последствий отдельного поступка. Юма интересует не доступная оценке полезность отдельного действия, а только полезность универсального применения определенных абстрактных правил, в том числе в таких ситуациях, когда ближайшие результаты подчинения правилам оказываются нежелательными. Он обосновывает [преимущество подчинения правилам] тем, что человеческий разум не в состоянии охватить все детали общественной жизни и именно ограниченность сознания принуждает нас удовлетворяться абстрактными правилами; и более того, никакой индивидуальный разум не в состоянии изобрести наиболее подходящие абстрактные правила, поскольку в существующих, возникших в ходе развития общества, воплощены результаты гораздо большего числа опытов и ошибок, чем доступно любому индивидуальному разуму.

Такие наследники картезианской традиции, как Гельвеций и Беккариа или их английские последователи Бентам, Остин и Дж. Мур, превратили этот общий <generic> утилитаризм, обращенный на полезность, воплощаемую развитыми многими поколениями абстрактными правилами, в частный <particularist> утилитаризм, который в конечном итоге сводится к требованию, чтобы каждое действие предпринималось только с полным учетом всех предвидимых последствий. В конечном итоге этот подход ведет к полному отказу от любых абстрактных правил и к утверждению, что человек способен сознательно достичь желательного общественного порядка за счет учета и упорядочивания всех существенных фактов¹²⁷. Таким образом, если общий утилитаризм Юма исходит из признания ограниченности нашего разума, который оказывается наиболее эффективным при подчинении абстрактным правилам, то конструктивистский частный утилитаризм исходит из веры в способность разума непосредственно управлять всеми деталями сложного общества.

V

Отношение различных видов рационализма к абстракции часто служит источником путаницы и поэтому нуждается в отдельном рассмотрении. Пожалуй, лучшим способом объяснить различие, будет сказать, что те, кто признают ограниченность разума, хотят использовать абстракцию для расширения его возможностей, для чего считают необходимой хотя бы некоторую упорядоченность сложных человеческих дел, которые просто не поддаются детальной упорядоченности, тогда как конструктивистские рационалисты ценят абстракцию только

ности посредством согласия и выполнения обещаний), которые играют важнейшую роль в достижении людьми своих целей в рамках общества. – *Ред.*]

¹²⁷ [Французский философ Клод Адриан Гельвеций (1715–1771) в 1758 г. писал в своем сочинении «Об уме», что два главных принципа человеческой активности суть стремление к счастью и избегание боли. Чезаре Беккариа Бонезана (1738–1794) – итальянский реформатор законодательства. Его книга «О преступлениях и наказаниях» (1764), в которой он на утилитаристских основаниях выступил против смертной казни и пыток, оказала огромное влияние на английского философа, юриста и социального реформатора Иеремию Бентама (1748–1832), которого часто называют основателем утилитаризма. Английский юрист Джон Остин (1790–1859) разработал аналитический подход к юриспруденции и является одним из основателей правового позитивизма. Джордж Мейнард Кейнс восхвалял книгу кембриджского философа Джорджа Мура (1873–1958) «Принципы этики» за то, что она обеспечила моральные основания его «ранним убеждениям», о которых Хайек пишет ниже в этой главе. Хайек представил развернутую критику узкого утилитаризма действия, разработанную Бентамом и его последователями во втором томе сочинения «Право, законодательство и свобода»: Hayek, *The Mirage of Social Justice*, vol. 2 (1976) of *Law, Legislation and Liberty*, pp. 17–23 <Хайек Ф. Мираж социальной справедливости // Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 185–191>. Столь же критическую оценку правового позитивизма см.: Ibid., p. 49–50. <Там же. С. 213–227>. – *Ред.*]

как инструмент упорядочивания частных дел. Для первых, как выразил это Токвиль, «общие идеи свидетельствуют не о силе человеческого разума, а скорее о его несовершенстве», для вторых это инструменты, обещающие нам неограниченную власть над частностями¹²⁸. В философии науки это различие сказывается в том, что приверженцы второго взгляда верят в то, что ценность теории следует оценивать по ее способности предсказывать конкретные события, т. е. в нашу способность заполнить описанный теорией общий паттерн конкретными фактами, подтверждающими ее верность, тогда как само по себе предсказание того, что мы встретим некоторый паттерн, также является фальсифицируемым предсказанием. В области моральной философии конструктивистский рационализм склонен пренебрегать полезностью абстрактных механических правил и рассматривает как истинно рациональное только такое поведение, в котором нормой считается оценка каждой частной ситуации «по достоинству» и выбор решения из конкретных альтернатив в соответствии с известными последствиями каждой.

Достаточно очевидно, что эта разновидность рационализма с необходимостью ведет к разрушению всех нравственных ценностей, к вере в то, что человек должен руководствоваться только личными оценками преследуемых им конкретных целей и что результатом должно быть оправдание всех возможных средств достижения любых целей. Порождаемое такой ориентацией состояние ума хорошо описано в автобиографическом эссе покойного лорда Кейнса. Описывая свои и своих друзей взгляды в первые годы века, верность которым он сохранял и 30 лет спустя, он пишет: «Мы совершенно отринули обязанность подчиняться общим правилам. Мы заявили о праве оценивать каждого по его заслугам, а также о том, что нам достаёт мудрости, опыта и самоконтроля, чтобы преуспеть в этом. Это была очень важная часть наших убеждений, которые мы заявили напрямик и очень агрессивно, и для внешнего мира это была самая очевидная и опасная наша черта. Мы полностью отринули обычную нравственность, условности и традиционную мудрость. Мы были имморалистами в прямом смысле слова. Последствия, конечно, приходилось принимать как должное. Но мы не признавали за собой никаких моральных обязательств, никакого долга подчиняться или приспособливаться. Мы заявили небесам, что будем сами себе судьями»¹²⁹.

Стоит отметить, что в приведенной цитате содержится отрицание не только традиционных моральных норм, но и всякой подчиненности любым абстрактным правилам поведения, моральным или иным. Здесь предполагается, что проницательность человека достаточна для успешного упорядочивания собственной жизни, не опираясь на помощь общих правил или принципов; иными словами, предполагается, что человек способен успешно координировать свою деятельность благодаря совершенному знанию всех обстоятельств и сознательной оценке последствий всех возможных альтернатив. При этом проявляется не только грандиозное преувеличение наших интеллектуальных способностей, но и полное непонимание того мира, в котором мы живем. При таком подходе практические проблемы трактуются так, как если бы мы знали все факты и все задачи носили бы чисто интеллектуальный характер. Боюсь, что при этом предположении большая часть современной социальной теории оказалась бы обесцененной. Важнейшим фактом является то, что мы не всеведущи, что время от времени нам при-

¹²⁸ [Alexis de Tocqueville, *Democracy in America*, translated by Henry Reeve, revised by Francis Bowen, ed. Philipps Bradley (New York: A. A. Knopf, 1945), vol. 2, book 1, chapter 3, p. 13 <Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Весь мир, 2000. С. 325>. Глава называется «Почему американцы обнаруживают большую способность и склонность к общим идеям, чем их английские предки». Французский историк и политический мыслитель Алексис де Токвиль (1805–1859) утверждал в книгах «Демократия в Америке» (1835, 1840) и «Старый порядок и революция» (1856), что стремление к социальному равенству в условиях демократии ведет к усилению централизации правительственной власти, а административная централизация и бюрократизация неизбежно ведут к ослаблению гражданских свобод. – *Ред.*]

¹²⁹ J. M. Keynes, *Two Memoirs: Dr. Melchior: A Defeated Enemy, and My Early Beliefs*, Introduction by D. Garnett (London: Rupert Hart Davis, 1949), pp. 97–98. [Хотя Кейнс заканчивает цитируемый абзац словами: «Я остаюсь и всегда останусь имморалистом», он также заявляет, что его ранние взгляды на человеческую природу, по-видимому, были «катастрофически ошибочны». – *Ред.*]

ходится приноравливаясь к новым фактам, которых мы прежде не знали, а поэтому мы не способны упорядочивать нашу жизнь в соответствии с детализированным планом, в котором каждое отдельное действие заранее рационально пригнано ко всем остальным.

Поскольку вся наша жизнь состоит в столкновении с новыми и непредвиденными обстоятельствами, мы не сможем ее упорядочить, если заранее распишем все наши конкретные действия. Единственный способ несколько упорядочить собственную жизнь – это принять определенные абстрактные правила или принципы поведения и затем строго подчиняться им во всех возможных новых ситуациях. Наши действия образуют согласованный и рациональный паттерн не потому, что они представляют собой развертывание предварительно принятого единого плана, а потому, что в каждом последовательном решении мы ограничиваем спектр выбора одними и теми же абстрактными правилами.

Размышляя о том, сколь важна приверженность правилам для упорядочивания нашей жизни, поражаешься тому, как мало внимания уделялось связи между этими абстрактными правилами и обеспечением общего порядка <в обществе>. Каждый, конечно, знает, что мы соблюдаем правила, чтобы придать нашей жизни какую-нибудь связность, что дело не только в стремлении упростить жизнь и избежать раздумий при всяком решении, но и в том, что это единственный способ сделать жизнь разумной. У меня нет возможности более систематически рассмотреть соотношение между подчинением абстрактным правилам поведения и достижением абстрактного всеохватывающего паттерна. Но я должен отметить один существенный момент. Чтобы таким способом достичь полного упорядочивания наших дел, нужно соблюдать общие правила во всех случаях, а не только в тех, когда нет особых причин от них отклоняться. Отсюда следует, что мы должны в отдельных случаях игнорировать знание определенных последствий, порождаемых соблюдением правил. Глубокое понимание роли соблюдения правил требует гораздо более жесткого подчинения им, чем склонны допускать конструктивистские рационалисты, которые принимают абстрактные правила в лучшем случае как подмену выбора решения на основании полного учета всех конкретных обстоятельств и полагают желательным несоблюдение правил, когда для этого есть достаточные основания.

Чтобы избежать непонимания, отмечу, что, говоря о жестком соблюдении правил, я, конечно, имею в виду не какую-либо отдельную норму, а всю систему норм, для которой не редкость, что изменение одного лишь правила может изменить все результаты работы системы. Следовало бы, конечно, говорить об иерархии правил, различающихся своей значимостью. Но здесь нет возможности углубляться в этот важный вопрос, и ограничусь повторением – подчинение какому-либо одному правилу не способно разрешить все наши проблемы.

VI

Сказанное выше о необходимости абстрактных правил для координации последовательных поступков отдельного человека во всех новых и непредвидимых ситуациях еще важнее для координации действий множества людей в конкретных ситуациях, которые только частично известны каждому, да и делаются понятными только по мере их возникновения. Это подводит меня к тому моменту моего личного развития, когда я начал размышлять о всякого рода вопросах, обычно считающихся философскими, хотя прежде был чистым и узконаправленным экономистом-теоретиком, который занимался только техническими аспектами теории. Похоже, что все началось лет тридцать тому назад, когда я написал эссе «Экономическая теория и знание» («Economics and Knowledge»)¹³⁰, в котором я анализировал то, что мне представлялось центральной трудностью чистой экономической теории. Главный вывод заключался

¹³⁰ F. A. Hayek, "Economics and Knowledge", *Economica*, n.s., vol. 4, February 1937, pp. 33–54, перепечатано в: *Individualism and Economic Order* (Chicago: University of Chicago Press, 1948), pp. 33–56. [Теперь см. настоящий том, главу 1. – *Ред.*]

в том, что экономическая теория должна объяснить, как возникает общая упорядоченность экономической деятельности, при которой используются обширные знания, существующие только как ограниченные знания тысяч или миллионов индивидов и не объединяемые каким-либо индивидуальным разумом. Но отсюда был еще немалый путь до адекватного понимания соотношения между абстрактными правилами, которым индивид подчиняет свои действия, и всеохватывающим абстрактным порядком, который возникает в результате того, что в частных ситуациях он подчиняется этим абстрактным правилам. Только в результате тщательного пересмотра древней концепции свободы в рамках закона, основной концепции традиционного либерализма, и возникающих при этом проблем философии права я пришел к приемлемо ясному представлению о природе спонтанного порядка, о котором так давно уже говорят либеральные экономисты.

Это оказывается одним из примеров общего метода косвенного создания порядка в ситуациях, когда явления слишком сложны, не позволяя нам создавать порядок, просто поставив каждый элемент на соответствующее место. Это порядок того рода, когда мы почти не имеем контроля над конкретными его проявлениями, потому что определяющие его правила определяют только его абстрактные характеристики, а детали формируются в частных обстоятельствах, известных только конкретным участникам. А значит, это порядок, который мы не можем усовершенствовать, но способны только расстроить попытками сознательного переустройства. Единственный путь к совершенствованию заключается в совершенствовании абстрактных правил, которым подчиняются индивиды. Но это, по необходимости, медленная и трудная задача, потому что большая часть правил, направляющих наше общество, не были сознательно выбраны и, соответственно, мы очень слабо понимаем, что же именно от них зависит. Как я уже отметил, они представляют собой продукт медленной эволюции, в ходе которой в них воплотилось много больше опыта и знаний, чем способен охватить любой отдельный человек. Это означает, что, прежде чем надеяться успешно их усовершенствовать, нужно понять, как взаимодействуют между собой стихийные силы общества и сознательно вводимые правила. Для этого будет нужно гораздо более тесное сотрудничество специалистов по экономической теории, праву и социальной философии, но и после этого можно надеяться только на медленный, экспериментальный процесс постепенного совершенствования, а не на возможность резкого изменения.

По-видимому, вполне ожидаемо, что конструктивистские рационалисты, столь гордящиеся мощью человеческого разума, должны были восстать против необходимости подчиняться правилам, значимости которых они не понимали, правилам, результатом функционирования которых был порядок, детали которого мы не в силах предсказать. Неспособность произвольно формировать ход человеческих дел противоречит стремлению поколений, веривших, что, используя все силы разума, человек может стать хозяином своей судьбы. Но похоже, что именно желание поставить все под рациональный контроль, основанное на неверном представлении о границах разума, не только не способствует полному раскрытию всех сил разума, но есть просто поругание его и ведет в итоге к разрушению свободного взаимодействия индивидуальных умов, которое и питает возрастание самого разума. Истинно рациональное понимание роли сознательного разума указывает на то, что одной из важнейших его задач является установление надлежащих границ рациональному контролю. Как отметил великий Монтескье в зените «эпохи разума»: *la raison meme a besoin de limites* <сам разум нуждается в границах>¹³¹.

¹³¹ [Подлинная фраза выглядит так: «*le vertu meme a besoin de limites*» (т. е. «*virtue itself has need of limits*»). Ее можно найти в сочинении французского социального и политического теоретика Шарля Монтескье (1689–1755) «*L'Esprit des lois*» (1748), или см.: *The Spirit of the Laws*, translated by Thomas Nugent (New York: Hafner, 1949), vol. 1, book 11, chapter 4, p. 150. <Монтескье III. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 137>. Эта фраза появляется в контексте обсуждения злоупотребления властью и после нее следует такое предложение: «Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга». – *Ред.*]

VII

В заключение хочу сказать несколько слов, чтобы объяснить, почему для моего основного выступления в Японии – в университете, который так любезно принимает меня в качестве одного из своих членов, – я выбрал именно эту тему. Не думаю, что ошибаюсь, полагая, что культ сознательного использования разума, бывший в последние триста лет таким важным элементом развития европейской цивилизации, не играл той же роли в развитии Японии. Видимо, нельзя отрицать и того, что целенаправленное, инструментальное использование разума в XVII, XVIII и XIX вв. стало главной, может быть, причиной ускоренного развития европейской цивилизации. И совершенно естественно, что, когда японские мыслители начали изучать различные течения в развитии европейского мышления, их прежде всего привлекли школы, представляющие самые крайние и явные формы рационалистической традиции. Людям, ищущим секрет западного рационализма, изучение его крайних форм, которые я называю конструктивистским рационализмом и в которых вижу незаконное и ошибочное преувеличение характерного элемента европейской традиции, могло показаться самым многообещающим путем к открытию этого секрета.

Так и получилось, что в Японии особенно широко изучались те ветви европейской традиции, которые восходят к Платону в Древней Греции, были возрождены в XVII в. Декартом и Гоббсом и раздували этот культ разума через работы Руссо, Гегеля и Маркса¹³². Моей главной целью было предупредить, что именно школы, которые дальше всего зашли в развитии того, что может показаться самым характерным элементом европейской традиции, зашли столь же далеко в своем заблуждении, как и те, кто склонен недооценивать ценность сознательного разума. Ведь разум подобен опасной взрывчатке, которая может быть очень полезна при осторожном обращении с ней, а может, при неосторожности, взорвать цивилизацию.

К счастью, этот конструктивистский рационализм является не единственным элементом европейской философской традиции, хотя нужно признать, что им окрашены взгляды величайших наших философов, в том числе даже Иммануила Канта. Но по крайней мере за пределами коммунистического мира (где конструктивистский рационализм взорвал-таки цивилизацию) мы находим иную традицию, более скромную и менее амбициозную, которая меньше ориентирована на строительство грандиозных философских систем, но внесла куда больший вклад в фундамент современной европейской цивилизации, и особенно в политический порядок либерализма (тогда как конструктивистский рационализм был всегда и везде враждебен либерализму). Эта традиция также восходит к классической античности, к Аристотелю и Цицерону, дошла до современности главным образом через труды св. Фомы Аквинского, а в последние столетия развивалась главным образом в работах политических философов. В XVIII в. это были преимущественно оппоненты картезианского рационализма – Монтескье, Давид Юм и шотландские философы его школы, в частности Адам Смит, который создал истинную теорию общества и роли разума в развитии цивилизации. Мы в немалом долгу перед великими либералами Германии Кантом и Гумбольдом, которые, однако, подобно Бентаму и английским утилитаристам, не вполне избежали фатальной привлекательности Руссо и французского рациио-

¹³² [Здесь и в следующем абзаце Хайек пытается отделить для своих японских слушателей представителей рационалистической традиции, которые являются основной целью его критики в этой лекции, от представителей предпочитаемой им традиции, которую в разных местах он называет «истинным индивидуализмом» (в Финлеевской лекции), «британской традицией» и «эволюционной концепцией» – последние два названия встречаются в «Конституции свободы» (*The Constitution of Liberty*, ed. Ronald Hamowy, vol. 16 (2011) of *The Collected Works of F. A. Hayek*, chapter 4 <Хайек Ф. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018. Глава 4>. Четкое разделение столь большого числа мыслителей прошлого на два лагеря не встретило всеобщего одобрения; вот лишь один пример: привязка Декарта к Гегелю и Марксу представляется непродуманной. Ср. редакторское введение в: Hayek, *Studies on the Abuse and Decline of Reason*, p. 13, note 33; pp. 39–40, note 115. – *Ред.*]

нализма. В своем самом чистом виде эта школа политической философии еще раз проявляется в работах Алексиса де Токвиля и лорда Актона; основы социальной теории впервые после Давида Юма были отчетливо переформулированы в работах основателя австрийской школы экономической теории Карла Менгера. Среди современных философов велика роль профессора Карла Поппера, который дал важные новые основания этому течению мысли. Он назвал это течение «критическим рационализмом», что, по моему мнению, очень удачно выражает отличие от наивного рационализма или конструктивизма. Мне представляется, что это лучшее название для обозначения общей позиции, которую я считаю наиболее разумной.

Моей главной целью было привлечь ваше внимание к этой традиции. Скорее всего, вы найдете в ней меньше нового и сенсационного, чем прежние поколения японцев находили в школе Декарта – Гегеля – Маркса. Сначала она покажется вам менее волнующей и возбуждающей – она не дает того восторга или даже интоксикации, как культ чистого разума. Но я надеюсь, что вы обнаружите в ней духовное родство. Поскольку это не одностороннее преувеличение, имеющее корни в определенной фазе европейского интеллектуального развития, но

истинная теория природы человека, она даст основания для развития, в которое вы сможете внести собственный вклад исходя из собственного опыта. В этом представлении о разуме и обществе находится место для роли традиции и обычая. Она позволяет нам понимать много такого, к чему оказываются слепыми те, кто был воспитан на грубых формах рационализма. Она показывает нам, что порой уже существующие, никем не изобретенные институты и установления могут представлять собой лучшую рамку для роста культуры, чем весьма хитроумные разработки.

Президент Мацусита¹³³ в иной связи задал мне вопрос, имеющий самое прямое отношение к делу, но на который я тогда не смог ответить. Если я верно понял, он спросил, не могут ли порой люди, полагающиеся на конвенциональные институты, а не на изобретение их, обеспечивать большую свободу индивидам, а значит, и большие возможности развития, чем те, кто пытается сознательно сконструировать все институты или пытается их переустроить в соответствии с принципами разума. Я полагаю, что ответ должен быть «да». Пока мы не научимся опознавать подходящие границы для вмешательства разума в дела общества, будет сохраняться опасность, что, пытаясь навязать людям то, что мы считаем рациональным паттерном, мы просто задушим ту свободу, которая есть главное условие постепенных улучшений.

¹³³ Д-р Масатоси Мацусита, президент университета Рикью, председательствовал во время доклада.

Часть I

Ранние идеи

Глава 1

Экономическая теория и знание¹³⁴

I

Двусмысленность, заключенная в названии настоящей работы, не случайна. Ее главный предмет – это, конечно, та роль, которую в экономическом анализе играют предпосылки и допущения относительно знаний, имеющихся у различных членов общества. Но это никак не отделяется от другого вопроса, который можно рассматривать под тем же заголовком, – в какой мере формальный экономический анализ дает какое-либо знание о происходящем в реальном мире. Действительно, мой главный тезис будет заключаться в том, что тавтологии, из которых состоит формальный равновесный анализ экономической теории, можно превратить в высказывания, которые что-то говорят нам о причинных связях в реальном мире лишь постольку, поскольку мы способны наполнить эти формальные положения содержательными утверждениями о том, как приобретаются и передаются знания. Короче говоря, я намерен показать, что эмпирический элемент в экономической теории – единственная ее часть, имеющая отношение не только к импликациям из заданных предпосылок, но также к причинам и следствиям и ведущая нас таким образом к выводам, поддающимся (во всяком случае в принципе) верификации¹³⁵, – состоит из утверждений, касающихся приобретения знаний.

Вероятно, мне следует сначала напомнить вам о том примечательном обстоятельстве, что в разных областях в самое последнее время было предпринято немало попыток продвинуть теоретическое исследование за рамки традиционного равновесного анализа. И очень скоро выяснилось, что их успешность зависит от допущений, которые мы делаем в вопросе если и не идентичном моей теме, то по меньшей мере составляющем ее часть, – а именно в вопросе о предвидении. Мне кажется, что впервые, как и следовало ожидать, широкое внимание к обсуждению предпосылок, касающихся предвидения, привлекла теория риска¹³⁶. И может еще стать, что глубокое стимулирующее воздействие работ Фрэнка Найта выйдет далеко за пределы этой специальной области¹³⁷.

¹³⁴ Президентское обращение к Лондонскому экономическому клубу от 10 ноября 1936 г. Перепечатано из: *Economica*, n.s., vol. 4, February 1937, pp. 33–54. [Это выступление вошло в сборник: F. A. Hayek, *Individualism and Economic Order* (Chicago: University of Chicago Press, 1948), pp. 33–56 <Хайек Ф. Индивидуализм и экономии

¹³⁵ ческий порядок. Челябинск: Социум, 2011. С. 41–68>. – *Ред.*] Или, скорее, фальсифицируемости. Ср.: Karl Popper, *Logik der Forschung* (Vienna: Springer, 1935), passim. [Австрийский философ науки Карл Поппер (1902–1994) ввел фальсифицируемость как критерий демаркации научных и ненаучных высказываний в параграфе 6 своего сочинения «Logik der Forschung», с. 12–14; ср.: Popper, *The Logic of Scientific Discovery* (New York: Basic Books, 1959), pp. 40–42 <Поппер К. Логика научного исследования. М.: Республика, 2004. С. 37–40>. Хаберлер подарил Хайеку экземпляр книги Поппера вскоре после ее публикации, после чего Хайек пригласил Поппера выступить с докладом на основе первой версии его будущей книги «Нищета историцизма» на семинаре Хайека в Лондонской школе экономики в июне 1936 г. Позже Хайек сообщил, что добавил это примечание, когда статья находилась на стадии гранок. См.: F. A. Hayek to T. W. Hutchison, May 15, 1983, in the Friedrich A. von Hayek papers, box 26, folder 8, Hoover Institution Archives, Stanford University, Calif. – *Ред.*]

¹³⁶ Более полный обзор процесса, в ходе которого ожидания постепенно заняли такое важное место в экономическом анализе, следовало бы, вероятно, начать с работы И. Фишера: Irving Fisher, *Appreciation and Interest* (New York: Macmillan, 1896).

¹³⁷ [Хайек имеет в виду книгу Найта: Frank Knight, *Risk, Uncertainty, and Profit* (New York: Houghton Mifflin, 1921) <Найт

Так, почти сразу же обнаружилось, что допущения, которые приходится делать в отношении предвидения, имеют фундаментальное значение для решения головоломок теории несовершенной конкуренции, проблем дуополии и олигополии. С тех пор стало еще более очевидно, что при изучении более «динамических» вопросов денежного обращения и промышленных колебаний предпосылкам относительно предвидения и «ожиданий» также принадлежит центральная роль и что, в частности, понятия, перенесенные в эти сферы из чисто равновесного анализа, как, например, равновесная норма процента, можно строго определить только в терминах допущений, касающихся предвидения. По-видимому, в данном случае дело обстоит так, что, прежде чем мы сможем объяснить, почему люди ошибаются, мы должны сначала объяснить, почему они вообще могут быть правы.

В общем, мы, кажется, подошли к пункту, где все осознали, что само понятие равновесия можно сделать ясным и определенным только в терминах допущений, имеющих отношение к предвидению, хотя мы можем оставаться еще несогласными в том, каковы именно эти важнейшие допущения. Я обращусь к этому вопросу несколько позже. Пока же я только попытаюсь показать, что при нынешнем положении дел, хотим ли мы определить границы экономической статики или выйти за ее пределы, нам не миновать спорной проблемы, какое именно место должны занимать в наших рассуждениях предпосылки, касающиеся предвидения. Может ли это быть простой случайностью?

Как я уже говорил, причина этого, на мой взгляд, кроется в том, что мы имеем здесь дело с частным аспектом гораздо более широкой проблемы, к которой следовало бы обратиться намного раньше. Вопросы, по сути схожие с уже упомянутыми, фактически возникают всякий раз, как только мы пытаемся применить к обществу, состоящему из некоторого числа независимых лиц, систему тавтологий – набор из таких высказываний, которые необходимо истинны, поскольку являются всего лишь преобразованиями наших же начальных допущений, и которые составляют основное содержание равновесного анализа¹³⁸. Мне давно казалось, что само понятие равновесия и методы, используемые нами в чистой теории, имеют ясный смысл только тогда, когда все ограничивается анализом действий отдельного человека и что мы действительно переходим в иную сферу и молча вводим новый элемент совершенно иного свойства при попытках использовать его для объяснения взаимодействия множества различных индивидов.

Я уверен, многие относятся с раздражением и подозрительностью к присущей всему современному равновесному анализу общей тенденции превращать экономическую теорию в раздел чистой логики – в набор самоочевидных утверждений, не подлежащий, подобно математике или геометрии, никакой проверке, кроме проверки на внутреннюю непротиворечивость. Представляется, однако, что, если только продвинуть этот процесс достаточно далеко,

Ф. Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело, 2003>. Американский экономист Фрэнк Найт (1885–1972) был лидером «старой» – т. е. в период до Второй мировой войны – чикагской школы экономической теории. В межвоенные годы эта книга была стандартным учебником в ЛШЭ. – *Ред.*]

¹³⁸ [В варианте статьи, опубликованном в 1948 г., автор удалил следующее примечание, содержавшееся в оригинальной статье, впервые появившейся в журнале «Económica»: «Хочу пояснить в самом начале, что я использую термин равновесный анализ» в узком смысле, эквивалентном тому, который проф. Ганс Майер назвал «функциональным» (в отличие от причинно-генетического) подходом и который неточно называют математической школой». Именно в рамках этого подхода вращаются дискуссии последних 10–15 лет. Следует признать, что проф. Майер развернул перед нами перспективу другого, «причинно-генетического» подхода, но трудно отрицать, что это до сих пор остается лишь посулами. Однако здесь следует упомянуть, что наиболее будящие мысль идеи по проблемам, тесно связанным с обсуждаемыми в этой статье, пришли из этого направления. См.: Hans Mayer, «Der Erkenntniswert der funktionellen Preistheorien: Kritische und positive Untersuchungen zum Preisproblem», in Hans Mayer, ed., *Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart* (Vienna: Springer, 1932), vol. 2, pp. 147–239; P. N. Ro-senstein-Rodan, «Das Zeitmoment in der mathematischen Theorie des wirtschaftlichen Gleichgewichtes», *Zeitschrift für Nationalökonomie*, vol. 1, May 1929, pp. 129–42; Idem., «The Role of Time in Economic Theory», *Economica*, n.s., vol. 1, February 1934, pp. 77–97». Англ. пер. статьи Ганса Майера: Hans Mayer, «The Cognitive Value of Functional Price Theories: Critical and Positive Investigations Concerning the Price Problem», translated by Patrick Camiller, in *Classics in Austrian Economics*, vol. 2, *The Interwar Period*, ed. Israel Kirzner (London: William Pickering, 1994), pp. 55 – 168. – *Ред.*]

он принесет средства для собственного исправления. Выделяя из наших рассуждений о фактах экономической жизни части, верные априорно, мы не только изолируем один элемент в качестве своего рода Чистой Логики Выбора во всей его чистоте, но также вычленим другой элемент, которым слишком долго пренебрегали, и подчеркиваем его важность. Моя критика нынешних устремлений делать экономическую теорию все более и более формальной состоит не в том, что они зашли слишком далеко, а в том, что они все еще не доведены до окончательного обособления этого раздела логики и возвращения на законное место исследований причинных процессов с использованием формальной экономической теории в качестве такого же инструмента, как мы используем математику.

II

Но прежде чем я смогу доказать свое утверждение, что тавтологические высказывания чистого равновесного анализа как таковые не могут прямо использоваться для объяснения социальных отношений, мне нужно сначала показать, что понятие равновесия имеет ясный смысл применительно к действиям отдельного индивида и в чем этот смысл состоит. На мое утверждение можно возразить, что именно в такой ситуации понятие равновесия лишается смысла, поскольку если бы кто-то захотел применить это понятие к ней, то не смог бы сказать ничего, кроме того, что отдельный человек всегда находится в состоянии равновесия. Однако, хотя это последнее утверждение и представляет собой трюизм, оно показывает только, до какой степени злоупотребляют обычно понятием равновесия. К делу относится не то, пребывает ли человек как таковой в равновесии или нет, а то, какие из его действий пребывают в равновесных отношениях друг с другом. Все положения равновесного анализа, например то, что относительные ценности будут соответствовать относительным издержкам или что человек будет уравнивать предельные доходы от различных вариантов использования любого фактора, касаются отношений между действиями. Можно говорить, что действия человека находятся в равновесии, коль скоро подразумевается, что они составляют часть одного плана. Только в этом случае, то есть только если решение обо всех этих действиях было принято одновременно и с учетом одних и тех же обстоятельств, наши утверждения об их взаимосвязях, высказанные исходя из допущений относительно знаний и предпочтений данного человека, могут иметь какой-то прикладной смысл. Важно помнить, что к так называемым «данным», которые служат нам отправным пунктом в этом виде анализа, относятся (помимо вкусов рассматриваемого человека) все факты, которые ему даны, то есть вещи, как они существуют в его знаниях (или представлениях) о них, а не объективные факты в строгом смысле. Только поэтому дедуцируемые нами выводы необходимо имеют силу априори, и только поэтому наша аргументация остается непротиворечивой¹³⁹.

Два главных вывода из этих соображений состоят в следующем. Во-первых, поскольку отношения равновесия существуют между последовательными действиями человека, лишь пока они остаются частями выполнения одного и того же плана, любое изменение в релевантных (*relevant*) знаниях человека, то есть любая перемена, заставляющая его пересмотреть свой план, подрывает равновесное отношение между действиями, предпринятыми до и после изменений в его знаниях. Иными словами, равновесное отношение охватывает действия этого человека только за тот период, пока его ожидания оказывались верными. Во-вторых, поскольку равновесие — это отношение между действиями и поскольку действия одного человека обязательно

¹³⁹ По этому вопросу см., в частности: Ludwig von Mises, *Grundprobleme der Nationalökonomie* (Jena: Gustav Fischer, 1933), pp. 22ff, 158ff. [Cp.: Ludwig von Mises, *Epistemological Problems of Economics*, translated by George Reisman (Princeton, NJ: D. Van Nostrand, 1960), pp. 23ff, 170ff. — *Ред.*] <Русский перевод планируется в рамках Собрания сочинений Людвиг фон Мизеса в 2020—2021 гг.>

должны происходить последовательно во времени, очевидно, что ход времени весьма важен для придания понятию равновесия какого-либо смысла. Об этом стоит упомянуть, поскольку многие экономисты оказались, похоже, не способны найти место для времени в равновесном анализе и потому предположили, что понятие равновесия должно рассматриваться как вне-временное. Подобное представление мне кажется лишенным смысла.

III

Несмотря на то, что я сказал ранее о сомнительной значимости равновесного анализа применительно к условиям конкурентного общества, я не хочу, конечно, отрицать, что первоначально он был введен именно для выражения идеи своего рода сбалансированности между действиями различных индивидов. Все, что я пока доказывал, так это то, что смысл, вкладываемый нами в понятие равновесия при описании взаимозависимости разных действий одного человека, не позволяет непосредственно переносить это понятие на отношения между действиями различных людей. Вопрос, по существу, заключается в том, как мы можем пользоваться им, когда ведем речь о равновесии применительно к конкурентной системе.

Первый вывод, вытекающий, по-видимому, из нашего подхода, состоит в том, что равновесие здесь существует, если действия всех членов общества в течение какого-то периода представляют собой выполнение соответствующих индивидуальных планов, намеченных каждым из них на начало данного периода. Однако, когда мы пытаемся затем выяснить, что же именно это значит, оказывается, что такая формулировка создает трудностей больше, чем решает. С идеей отдельного человека (или группы лиц, управляемой одним из них), действующего в течение какого-то периода по заранее задуманному плану, особых проблем не возникает. В этом случае план не должен отвечать каким-то специфическим критериям, чтобы его выполнение было мыслимым. Он может, конечно, основываться на неверных предположениях относительно внешних обстоятельств и из-за этого нуждаться в пересмотре. Однако всегда будет наличествовать некий мыслимый набор внешних событий, который позволил бы осуществить план в первоначально задуманном виде.

Иначе обстоит дело с планами, намеченными одновременно, но независимо друг от друга некоторым числом людей. Во-первых, для осуществимости всех этих планов необходимо, чтобы они были составлены в ожидании одного и того же ряда внешних событий, поскольку если бы разные люди основывали свои планы на противоречащих друг другу ожиданиях, то никакой набор внешних событий не мог бы позволить осуществить их все вместе. И во-вторых, в обществе, основанном на обмене, планы каждого человека в значительной своей части будут состоять из действий, требующих согласующихся с ними действий со стороны других индивидов. Это означает, что планы различных индивидов должны быть в определенном смысле совместимыми, чтобы, хотя бы предположительно, они были способны их все реализовать¹⁴⁰. Или, говоря иначе, поскольку часть данных, на основе которых всякий человек станет строить

¹⁴⁰ Меня давно удивляет, почему в социологии, насколько мне известно, не делалось систематических попыток проанализировать общественные отношения в терминах соответствия и несоответствия или совместимости и несовместимости, индивидуальных целей и желаний. [В первоначальном варианте статьи, опубликованном в журнале «Económica», это примечание продолжалось следующими словами: «Похуже на то, что математическая техника *analysis situs* <анализ положений> (топология) и, в частности, такие понятия, разработанные в ее рамках, как гомеоморфизм, могут оказаться весьма полезными в этом отношении, хотя может показаться сомнительным, будут ли даже эти методы, по крайней мере на нынешнем этапе их развития, адекватны сложности структур, с которой нам приходится работать. Первая попытка в этом направлении, предпринятая видным математиком (Karl Menger, *Moral, Wille und Weltgestaltung: Grundlegung zur Logik der Sitten* [Vienna: Springer, 1934]), пока не добавила особой ясности. Но мы можем с интересом ожидать трактата по точной социологической теории, который проф. Менгер пообещал опубликовать в ближайшем будущем». (См.: «Einige neuere Fortschritte in der exakten Behandlung sozialwissenschaftlicher Probleme», in *Neuere Fortschritte in der exakten Wissenschaften* [Leipzig: F. Deuticke, 1936], p. 132.) См. перевод книги 1934 года: Karl Menger, *Morality, Decision, and Social Organization: Toward a Logic of Ethics*, based on a translation by Eric van der Schalie (Dordrecht: D. Reidel, 1974). – *Ped.*]

свои планы, будет состоять из ожиданий определенного образа действий других людей, для совместимости разных планов существенно важно, чтобы планы одного человека содержали именно те действия, которые образуют данные для планов другого.

В традиционной трактовке равновесного анализа это затруднение удастся, по-видимому, частично обойти с помощью допущения, что данные в форме кривых спроса, отражающие вкусы индивидов и технические факты, в равной мере даны всем участникам и что осуществление ими действий на основе одних и тех же предпосылок так или иначе приведет к взаимной адаптации их планов. Часто подчеркивалось, что трудность, создаваемая тем, что действия одного человека выступают как данные для другого, в действительности таким путем не преодолевается и что в известном смысле подобный ход рассуждений представляет собой порочный круг. Однако до сих пор, похоже, ускользало от внимания, что вся эта процедура влечет за собой путаницу еще более общего свойства, в которой упомянутый момент представляет собой лишь частный случай и которая обусловлена двусмысленностью самого понятия «datum» – «данное». Данные, под которыми здесь подразумеваются одинаковые для всех людей объективные факты, очевидно не эквивалентны данным, которые служат отправным пунктом для тавтологических преобразований Чистой Логике Выбора. Там «данные» означали факты, причем только те, которые присутствовали в голове действующего лица, и лишь эта субъективная интерпретация понятия «данное» делала такие высказывания необходимо истинными. «Datum» означает данное, известное рассматриваемому человеку. Однако при переходе от анализа действий индивида к анализу ситуации в обществе смысл этого понятия претерпевает незаметное превращение.

IV

Путаница, касающаяся понятия «данное», стала причиной столь многих наших затруднений в этой области, что необходимо рассмотреть его более подробно. Datum, данное, означает, безусловно, нечто, что дано. Однако вопрос, который остается открытым и на который в общественных науках может быть два разных ответа, состоит в том, кому, как предполагается, эти факты даны⁸. Видимо, подсознательно экономисты всегда испытывали некоторую неловкость по этому поводу, и им приходилось, наперекор ощущению, что они понятия не имеют, кому же были даны факты, успокаивать себя, подчеркивая, что факты были даны – даже прибегая к такому плеоназму, как «данные данные». Но отсюда неясно, предполагается ли, что упомянутые факты даны наблюдателю-экономисту или что они даны лицам, чьи действия он хочет объяснить, и что касается последних, то допускается ли, что всем различным людям внутри системы известны одни и те же факты или же что «данные» для различных людей могут быть разными.

Нет никакого сомнения, что два этих понимания «данных» – с одной стороны, в смысле реальных объективных фактов в том виде, в каком они, как предполагается, известны наблюдателю-экономисту, и, с другой стороны, в субъективном смысле, как вещей, известных лицам, чье поведение мы пытаемся объяснить, – действительно глубоко несхожи и их следует тщательно разграничивать. И, как мы увидим, вопрос, почему данные в субъективном смысле слова вообще должны приходить в соответствие с объективными данными, – это одна из основных проблем, требующих от нас ответа.

Полезность такого разграничения немедленно обнаруживается, как только мы применим его к вопросу, что может означать понятие общества, в любой данный момент находящегося в состоянии равновесия. Очевидно, лишь в двух смыслах мы можем говорить, что субъективные данные, имеющиеся у разных лиц, и индивидуальные планы, необходимо следующие из них, находятся между собой в согласии. Мы можем просто иметь в виду, что эти планы взаимно совместимы и что, соответственно, имеется мыслимый ряд внешних событий, позво-

ляющий всем людям осуществить свои планы, ни у кого не вызвав разочарования. Если бы такая взаимная совместимость намерений отсут-

[Как позднее вспоминал Хайек, «все мои размышления начались с шутки моего старого друга Фредди Бенхэма об экономистах, которые говорят о заданных данных лишь для того, чтобы удостовериться в том, что то, что было дано, действительно дано. В частности, это заставило меня задаться вопросом о том, кому в действительности заданы данные». См.: F. A. Hayek, *Hayek on Hayek: An Autobiographical Dialogue*, ed. Stephen Kresge and Leif Wenar (Chicago: University of Chicago Press, 1994), p. 147. Фредерик Бенхэм (1900–1962) был коллегой Хайека в Лондонской школе экономики. – *Ред.*]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.